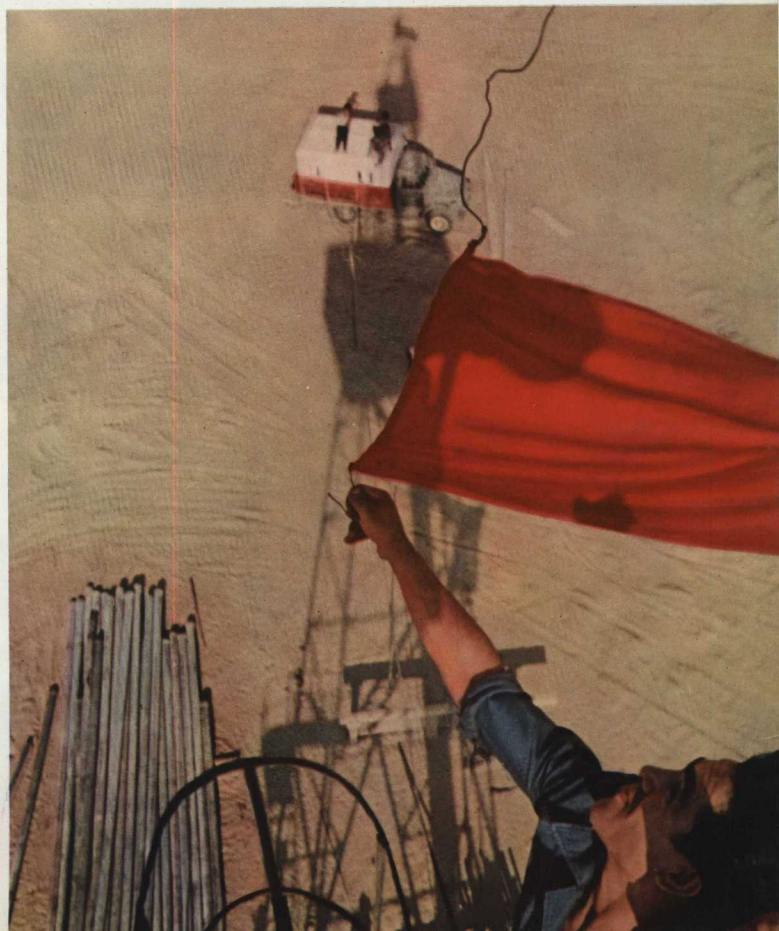

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

21 1960

МОГУЧАЯ ПОСТУПЬ СЕМИЛЕТКИ РАЗБУДИЛА ВЕКОВУЮ ТИШИНУ КАРАКУМСКОЙ ПУСТЫНИ. ВСЛЕД ЗА ГЕОЛОГАМИ И ГЕОДЕЗИСТАМИ СЮДА ИДУТ ОТРЯДЫ БУРОВИКОВ, ОСНАЩЕННЫЕ САМОЙ СОВЕРШЕННОЙ ТЕХНИКОЙ. ПРИРОДА СОПРОТИВЛЯЕТСЯ, ПРИРОДА НЕ ХОЧЕТ БЕЗ БОЯ ОДАТЬ ЧЕЛОВЕКУ СВОИ БОГАТСТВА. НО СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ, ПОБЕЖДАЯ СЫПУЧИЕ ПЕСКИ, БЕЗДОРОЖЬЕ, ТРОПИЧЕСКУЮ ЖАРУ, УВЕРЕННО ШАГАЮТ В НАСТУПЛЕНИЕ ПО МАРШРУТАМ, НАЧЕРТАННЫМ СЕМИЛЕТКОЙ.

(См. очерк «Флаг над пустыней» на стр. 7)

СМЕНА

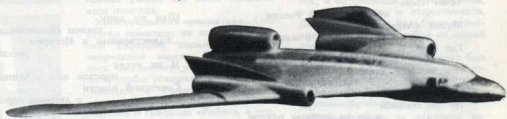
Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

21 НОЯБРЬ 1960

Год издания тридцать седьмой.

НА УДАРНЫХ
КОМСОМЛЬСКИХ

О БОЛЬШИХ ТРУДОВЫХ ДЕЛАХ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ МАГНИТОГОРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА рассказывается на стр. 3.

ВНИМАНИЕ! «ЛК-ЮНОСТЬ» ОТПРАВИЛАСЬ В ПУТЬ РЕПОРТАЖ ОБ ЭТОМ УДИВИТЕЛЬНОМ ПОЛЕТЕ печатается на 22-й стр.

В подмосковном городе Подольске живет и трудится большая семья потомственных рабочих Бедкиных. Рассказ об этой семье вы найдете на стр. 19.

Юрий Власов, Виктор Капитонов... Эти имена известны всем любителям спорта. О том, как пришла к ним победа на XVII Олимпийских играх, о триумфе всего советского спорта на Олимпиаде в Риме повествуется в материалах, которые вы сможете прочитать на стр. 24—31.

БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА «СМЕНЫ» С ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СУАРОМ СУРОЗО (см. стр. 12).

«ДОРОГА НА АЛАМАН-КЫР»—так называется рассказ М. Горчакова, публикуемый в этом номере.

Новелла МАТВЕЕВА

ОКТАБРЬ

(Отрывок из поэмы)

1

Советской власти с длинным сорок лет.
Малютка-срок, но великанша-дата.
Давно ли правил царь? И да и нет.
Не так давно, хоть будто и когда-то.
...За этот срок зажить успели
раны,
И много раз травлю поросла
Могилы панших...
С грустью ветерана
По седые руками провели.
И снится им, все снится им
«Аврора»,
Какой бы срок с тех пор
ни миновал,
Когда, как солнце, вспальнутое
из моря,
Лучами синц блеснул ее
штурвал.

Когда по всей, по всей щеке планеты
Понесл румянец — русский «маков цвет»,
Объян на карте всю шестую света...
...Советской власти с лишним сорок лет.

2

Течет Нева — открытый всей России
Музей «Авроры» — вечный и живой,
Где никогда не лечь музейной пылью
Над невоской свежей пылью водяной.

Не за стеклом и не на нежном плащоме
Поконится могучий экспонат:
Спит на волнах отец волны и суши —
И цены повествуяще гремит.

И пятак зад, и постамент уклончив...
Но эта зыбь — одлот больших побед,
А эти цены — жаворонков звонче...
Советской власти с лишним сорок лет.

3

Железный вздох свободом — зал «Авроры!»

На полути его перехватив,
Охрипше, по радостные зоры,
Запел дегетероский мотив.
Коснулся туч зари багрянц сочный
И край носилок вдару обрисова,
Где воин в ранах жалкою вничной
Выстукивал Интернационал.

Шап по лицу знамен склоанных тени...
...Единственный в История расцвет!
И на устах простое имя — Ленин...
Советской власти с лишним сорок лет.

4

Советской власти с лишним сорок лет;
Ончулись недра залежей петронутых,
Алай приподнял гриву на хребте;
Пласты раскрылись; ребра мастодонтов
Забрезжили, как звездам в темноте.
По клавишам, под тонкою рукою
Шопеновский накрапывает вальс —
И жмурятся от моря китобои,

В тени кита кружком остановясь.
Копытом бьет олень — начальник стада,
Бьет в небо нефть, как бы ему в ответ;
Грозит обвалом гроздая винограда...
Советской власти с лишним сорок лет.

5

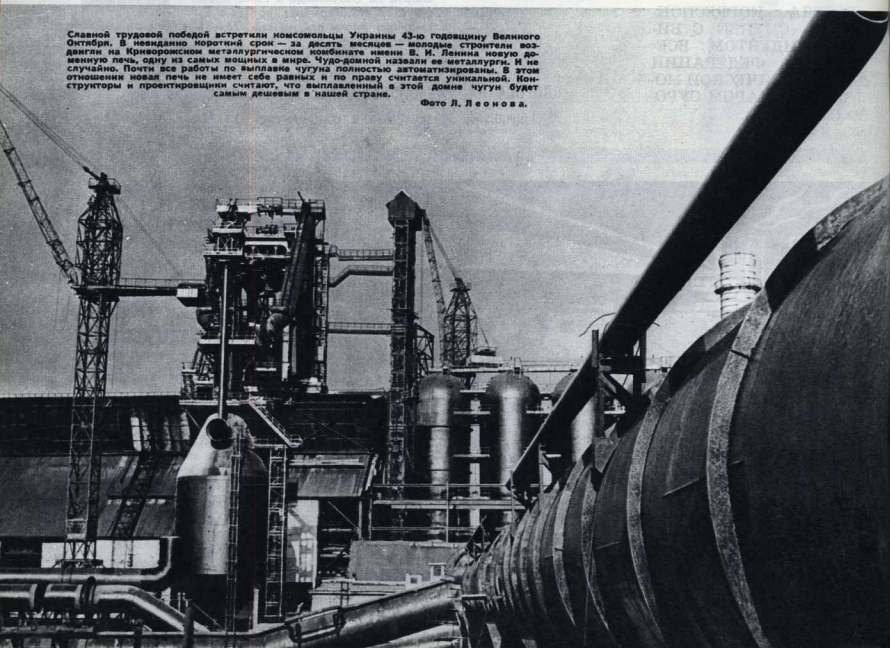
Какой же мерой мерить эту скорость!
Как мерить! Не на звездных ли весах!
...Чу! Порок... Дуновенья метеоров,
Пыль космоса горит на волосах.

За головы хватаются поэты,
В глазах рябит, на языках рябит.
Глаза Вселенной — звезды и планеты —
В восторге вылезают из орбит.

От самовара с кислую поудой —
И — в космос! Человечество! Смотри:
Готовит в путь Вселенского Колумба
Страна, которой только сорок три.

Славной трудовой победой встретили комсомольцы Украины 43-ю годовщину Великого Октября. В невиданно короткий срок — за десять месяцев — молодые строители воздвигли на Криворожском металлургическом комбинате имени В. И. Ленина новую доменную печь, одну из самых мощных в мире. Чудо-домной назвали ее металлурги; и не случайно. Почти все работы по выплавке чугуна полностью автоматизированы. В этом отношении новая печь не имеет себе равных и по праву считается уникальной. Конструкторы и проектировщики считают, что выплавленный в этой домне чугун будет самым дешевым в нашей стране.

Фото Л. Леонова.

Как мы наши шрифты ОДНА

Тонкий стальной лист... Нат ни одной отрасли тяжелой промышленности и машиностроения, где бы не ощущалась потребность в тонком стальном листе — одном из важнейших видов продукции прокатного производства. Цельнометаллические вагоны и тракторы, сварные трубы для нефтепровода и станки — везде требуется тонкий стальной лист. И количество этого важнейшего прокатного материала в стране в значительной степени зависит от числа строителей Магнитогорского металлургического комбината. Как только мы садим в эксплуатацию стан «2500», производство тонкого листа в стране намного возрастет.

Сейчас уже трудно вспомнить, какой из 85 комсомольско-молодежных бригад нашего треста «Магнитострой» первой пришла мысль закончить строительство стана «2500» раньше намеченного срока. Ведь эта идея — как можно скорее сделать Родине трудовой подарок — волновала всю молодежь комсомольской стройки. Об этом думали, говорили во всех бригадах. И когда в конце 1958 года было принято решение сократить сроки строительства на полтора года, оно было сразу же горячо поддержано сотнями молодых строителей стана «2500».

Но за счет чего же сократить сроки строительства? Ответ на этот вопрос искала вся молодежь, работавшая на стройке.

Одно из первых предложений — вести строительство поточными методами — позволило нам не только упорядочить работу экскаваторчиков, огулбучиков, бетонщиков, но и сэкономить 5—6 месяцев.

Но где взять еще год? Пылтывые умы наших строителей и тут подсказали верное решение — монтировать здания крупными блоками и крупноразмерными железобетонными плитами. Подсчитали, что это экономит полгода. Значит, надо найти еще полгода.

И бригады искали. Среди участников комсомольской стройки не было ни одного рабочего, который бы не стремился внести какую-то лепту в сокращение сроков строительства.

Вот тогда-то и родилось замечательное движение за создание комплексных комсомольско-молодежных бригад. Значителем его выступил бригадир экскаваторщиков Иван Ионин. Трудно работать,

когда у экскаваторщиков свой план, свои нормы, а у шоферов свои. Зачастую получалось так: высылает экскаваторчик в кузов машины один ковш, другой. Не успев высылать третий, как машина уже тронулась в путь. Шофер заинтересован сделать больше рейсов — у него план. А экскаватор тем временем проставает.

Вот и решил Иван Ионин объединить экскаваторчиков и шоферов в одну комплексную бригаду. Посоветовался с бригадиром шоферов Александром Шараловым. Кстати сказать, он у нас на стройке один из первых по примеру Валентина Гагановой перешел в отходящую бригаду. Выслушав Ионина, Шаралов горячо поддержал его предложение. Так на строительстве стана «2500» была создана первая комплексная комсомольско-молодежная бригада. Вскоре такие объединенные бригады были организованы на всем участке земляных работ.

К экскаваторщикам и шоферам присоединились плотники и бетонщики. «Вместе с плотниками будем бороться за качество огулбучки», —

решил бригадир бетонщиков Петр Ларченко, предложивший создать комплексную бригаду бетончиков и плотников. Иными инициативами объединенными усилиями удалось реконструировать растворенос, с помощью которого поддача бетона ускорилась в три раза.

Так за счет создания на стройке комплексных бригад значительно сократился объем земляных и бетонных работ. Так были найдены еще полгода.

Комсомольская инициатива... Она всегда приходит на помощь горнякам — сардам, сильным руками, творческой мысли. Когда, казалось бы, ничего уже нельзя сделать, чтобы ускорить темпы строительства, в комитет комсомола приходит какой-нибудь скромный пареньк и говорит: «Ребята, а что если сделать так?..» И находились новые резервы, быстрее шли дела, легче и радостней работало.

Комсомольская инициатива приняла на стройке небывалый размах. Комплексная комсомольско-молодежная бригада шоферов Сергея Глазкова, например, решила своими силами отремонтировать дороги и подвезданные пути. В результате количество рейсов за смену намного возросло.

Значительно переиhrивают установленные задания бригады монтажников Александра Серебрякова, Даниила Хромцова, монтирующие технологическое оборудование крупными узлами.

На десять дней раньше срока выполняла задание Бригада Николая Иванова, вдувая кладку 60-метровых труб для моточисных нагревательных печей.

Можно привести еще немало примеров замечательной инициативы молодежи строителей, подлинного трудового героизма.

Созданный на стройке комсомольский штаб содействовал строительству направляет и организует эту инициативу. Много дел у штаба — и организация соревнований, и проведение массово-политической работы, и контроль за поставкой оборудования, и многое другое. Штаб является подлинно боевым вожаком и организатором наших комсомольцев.

Мне хочется рассказать еще об одном начинании.

Как-то на одном комсомольском собрании на трибуну поднялся комсорг «Бетонстрой» Андрей Нечипоренко:

— Наша задача — не только в срок закончить строительство стана, но и сделать его на «отлично», — сказал он. — А это зависит от качества работы и огулбучки, и бетончиков, и каменицки, и монтажников, и отделочников. Давайте поведем борьбу за отличное качество всех работ на нашей стройке.

Почин Андрей Нечипоренко был сразу же поддержан бригадами отделочников Марии Белоуслуцовой и Алексея Третьякова, а затем и другими бригадами.

Соревнование за отличное качество помогло наладить и производственную учебу: ведь качество работ целиком зависит от профессиональных знаний строителей. Теперь каждая бригада разделена на исконную звенья, во главе которых стоят опытные рабочие, которые учат членов своего звена читать чертежи, эскизы.

В мае этого года комсомольская организация нашего треста выступила с обращением ко всем строителям стана «2500»: «Станем бригадами отличного качества, «буредешво»

Всемирно собрался общетрестовский комсомольский актив, на котором единодушно было решено от отдельных бригад и участков перейти к управлению и трестам отличного качества.

Теперь наш трест «Магнитострой» соревнуется за право называться трестом отличного качества со строителями трестами «Стальинспрострой» и «Челябметаллургстрой».

Сейчас у строителей напряженные дни. Молодежь ударной комсомольской стройки всю свою работу поднимает одной цели — к 5 декабря закончить строительство стана «2500».

Н. ВАСИЛЬЧЕНКО,
секретарь комсомольской организации треста «Магнитострой»

МОНТАЖ ЧИСТОВЫХ ПЛЕТЕЙ НА СТАНЕ «2500».

Рисунки Г. и Л. Шибанова.

М. ГОРЧАКОВ

Рисунок А. Ливанова.

ДОРОГА НА АЛАМАН-КЮП

РАССКАЗ

Также «птица» в пустыню еще не залетала. Длинноволосая, с узкими покатыми плечами, стриженная под мальчика, в пестром фестивальном сарафане, блондинка будто соскочила с обложки иллюстрированного журнала...

— Ого-го! — увидев ее, ошеломленно сказала рыжий командир Генкин. — Ай да красави!

К вечеру у блондинки говорила вся база. Как всегда, в курсе дела оказалась только один человек — шофер Узбойского отряда Володя Дорфев.

— Приветела утром с начальником экспедиции. В общем смотрите на нее, ребята, пока она здесь: больше не увидите! — веско заявила он за ужином.

На другой день с утра Генкин и радист Безлосос сели на противопожарный шприц, закурили и все время, пока блондинка мыла под красной рукой и шло, рассматривали ее.

Через полчаса блондинка уже сидела перед начальником Узбойского отряда Вихровым на швейной табуретке. Вихров мрачно смотрел на подкрашенные губы кандидатки и коллекторы — полаяла, капризные, изолупые, как индейский лук. Холеные руки ее с длинными пальцами были чинно сложены на круглых коленях.

— Имейте в виду, — говорила Вихров, — отряд работает в четырехчасовом ритме от базы. Рабочий день, конечно, не нормирован. И воды

не хватает. Вот представьте себе самое худшее, что вы читали и слышали о Каракумах: жару, самую, змей, скорпионов... Будете стоять с рейкой, варить пш, копать шурфы и все остальное. Пока не поздно, можете отказаться. В других отрядах работать легче.

Девушка дунула узкие брови и вздохнула, как будто сероглазый начальник рассказывал интересно, но грустную сказку.

— Скажите, в город я успею завтра съездить, кое-что купить? У меня нет обуви. И на голову косыночку или шляпу...

«Вот оно, начинается!», — обреченно подумал Вихров.

В лагерь Зина Виноградова привезла большую коробку с мазями и кремами. Каждый раз перед сном она массировала и намазывала себя сверху доныну, отчего в палатке распространялся аромат не то чайного, не то парфюмерного магазина.

Плывало и доброжелательно глядя на геолога отряда Леночку Родионову своими широко расставленными светло-зелеными глазами, Виноградова время от времени задавала ей живые вопросы: «Как вы здесь стираете крупное белье?», или «А где можно поглядеть брошки?», или «Возможна вынуть меня водить машину?».

По случаю отсутствия топографа с инструментом работала Леночка Родионова. На каждой точке она подползу смотрела в голубую трубу теодолита. Решечки на передней и зад-

ней точках по полчаса стояли над раскаленными откосами. Впрочем, затрунный Генкин устанавливала рейку на расстелках, как радиомачту, а сам ложился в тень ближайшего саксаула, курия и глядел в бинокль, как Виноградова мучается с рейкой, помогая Лене.

По окончании инструментальной съемки Виноградова стала сопровождать начальника в маршрутах по шрифтовым осмам вдоль розово-серых обрывов и писать под его диктовку в маленькой ярко-красной полевой книжке.

Пустынный загар... Ожелезнение... Омаргандание... Сеисмизм... Кузцы... Виноградова старалась хотя бы запомнить новые слова. Как-никак, возможно, что это была ее будущая профессия...

Она снимала темные очки и внимательно вглядывалась в кузцы. Хотелось пить, руки были грязные и потные. Больше, серый, желтые уступы кузст гигантскими плоскими местами уходили за горизонт. По обочинам дороги поблескивали остроугольные обломки, как бы покрытые темным лаком. И вдруг кадрами полувзбрызганого кино мерещился за кузцами мокрый асфальт Пушкинской площади, цилиндрические фары автомашин и стройные мальчики в белых рубашках, надменно алжущие снизу от холода мороженое.

Виноградова вздрагивала, словно стряхивая навязчивые, и возвращалась к автомобилю. Она придирчиво разглядывала свое лицо в

шоферском зеркалке. Волосы дико отросли, на щеках — тряска.

Шофер Доросеев привык к новому коллективу раньше всех. Он был очень общителен и галантен. Оставлявшая машину, он первым делом списки к заднему борту и распорывав свои длинные, оплетенные твердыми синими жилами, густо татуированные руки. Его улыбка слышна: сияла золотой зуб, сияли светлые вставные глаза.

Разрешите вам помочь, — оборотисто улыбаясь, говорил он. Избежать его объятий не могла даже суровая, как Жанна д'Арк, Леночка Родионова.

В отряде открыто исповедывался кулак аполитичности. Под руководством Доросеева сотрудники иногда слушали, как стучит «шалачики» под капотом, и благоговейно опшывали оборонную резину колес. Следы своего «ГАЗ-36» они могли определять на самой разбитой дороге.

Через три недели после приезда в лагерь Виноградова, кокетливо потупясь, спросила Доросеева:

— Володя, вы научите меня водить машину?

У Доросеева была оригинальная манера обучения автоводу.

— Поступайте в распоряжение моего лучшего друга, — выставлял манера сказал он. — Коленька, итевич, помоги девушке овладеть техникой двандатого века. Расскажи ей теорию, историю и географию.

Разрешите, я подниму капот и завинчу:

— Перед тем, как трогаться с места, водителю должен проверить, есть ли бензин в баках, масло в масляном радиаторе и вода. А то утробится в машину, Ясно?

— Теперь перейдем к следующему в маршрут или по воду радист заставляла Виноградова отворачивать и завертывать водную пробку, влезать на бугер машины и металлическим прутком мерить уровень масла. Генкин с Доросеевым отряпывали и ухмылялись. Это было бы похоже на экзаменационный, если бы одновременно Коля не показывал, где то находится: карбюратор, трамблер, стартер...

В облетное время и вечером после работы, когда отряд отдыхал, радист неутомимо подвигала Виноградова рассекать и приглядывала за ними. Он стоял дедушка-индикатор в нейтральном положении. Обнаиваясь потом, Зина на надвигала тапочкой на стартер, и происходило чудо: мотор заводился. Заглядывая под баранку, Зина выжимала левой ногой педаль сцепления, правой — переключала скорости. Зыбывая змурлычить, радист смотрел сбоку на тонкий профиль стартера, на испушенный зеленый глаз и нервно отгосние светлые волосы.

— Практическому вождению машины Доросеев обучал всех толком сам.

— Заводи! — командовал он.

Зина заводила мотор и включала первую скорость. Усиливая нажатие на акселератор, она пробовала плавно отпустить сцепление. Но машина дергалась, мотор глох, а Доросеев брызгал от гнева.

На ходу одновременно надо было выжимать педаль сцепления, на миг бросать газ, крепко держать руль и смотреть на дорогу перед собой. Да еще Доросеев, как будто по технической традиции, выкрикивал неслыханные команды за борк или колеску. Глаза его начинали мыслить. Правда, если Зина не успевала вовремя «тащить» или переключить скорость, и машина глохла на подкатках, бубновала в песке, катилась по складкам обочины, Доросеев отдувался, неразборчиво, скакая зуби ругался. Виноградова всхлипывала. Но обижаться на шофера было бы глупо.

Иногда во время практической езды по тактиру Доросеев резко тормозил машину и, лихо откручиваясь, спрашивал:

— Значок, деточка, долго мн с тобой будем в девках ходить?

Первый раз Виноградова до муршеск испустила, потом привыкла.

— Долго, — бесстрашно отвечала она. — Давно!

Вначале машина была тем единственным, что мирило Виноградова с жарой, с пылью, с тем, что от крыло-солнечной воды стоила как вакка и кожа была вечно покрыта белым налетом. Впрочем, довольно скоро Виноградова сообразила, что не стоить ехать за пять тысяч

километров от дома, чтобы выучиться водить автомобиль, тем более, что для этого существуют нормальные трехчасовые курсы.

Но уже тогда Доросеев все более и более входил в роль инструктора. Казалось, он задался целью сделать из девушки профессионального шофера. После того, как начальник запретил сажать Виноградову за руль во время маршрота, Доросеев ежедневно стал будить ее рано утром, как раз перед сон был особенно крепко и сладко. В половине четвертого утра Доросеев дергал спальный мешок Зины и громко шептал:

— Эй, алле! Кончай ночевать!

— Эй, алле! Просыпайся! Широкие плечи Доросеева зловонный выход из плавати, от чего температура была почти непрогодной. В руке шофера удерживалась кружка с холодной водой. В случае чего Доросеев, не задумываясь, наклонял кружку, и вода тонкой ленточкой алаива в спальный мешок.

— Иди прогретый машину, — зевая, говорила Доросеев.

Стреляя от желания спать и от утреннего холода, Виноградова обреченно вытаскивала телеприкур.

Виноградова стала раздражительной и спально поухудела и осушувала. Время от времени она уже испытывала припады тихой злобы и к горбосному тяжелому автомобилю и к длиннорукому галантному шоферу. Теперь от Зины стало зависеть эти провалы бензина. Если Ружки забурбел, кресловые брочки покраснели лплыми автотом. То ей казалось, что она уже едлет лучше Доросеева, то вдруг она начинала себя чувствовать загнанной, затурганной, ни к чему испоспособной рукой.

Как-то вечером, входящая к палатке после очередного переживания бензина, Виноградова услышала тихий разговор:

— Индикатор, — говорила Леночка, — до чего ты девушку довел...

— Тебе лишь бы попендеваться, заметила Леночка. Сядь сейчас одна сама, — сказала громко сказала Доросеев и засмеялся. — Это, вероятно в Москву, знаешь, как она даст, на машине какого-нибудь своего дружка! Я же ее воспитываю, мают, человеком станет...

— Ты лишь бы попендеваться, заметила Леночка. Сядь сейчас одна сама, — сказала громко сказала Доросеев и засмеялся.

— Все правильно. Обучение основано на принципе политехнизации. — Это был резкий, скрипящий голос Генкина.

Тень медленно переползала с северо-запада на север, потом, увеличиваясь в размере, тронулась к северо-востоку. Чиститие было окончено. В общем, отряд не спеша выплыл примерно через час из крижлого чая и теперь охлаждался на сабьем сумку ветру.

Генкин дингал свою кроватку за тенью — его длинные смуглые ноги все время оказывались на солнце. Радист читал очередной том Андрея Упитя — еще на базе он купил полное собрание сочинений этого писателя в двенадцати томах. Вихров и Леночка, списав голубы, смотрели на разломанную по земле топографическую карту и тихо спорили. От неудобства позы лица их плавались кровью. Виноградова лежала с закрытыми глазами.

— Значок! Подъем, деточка! Будем в кабине переключать скорости, — садясь на своей койке, сказал Доросеев.

Мад машинной дорогой расклеванный воздух. В кабине было, неверно, густовет пыталось. Радист отложил книгу. Вихров и Леночка подняли головы от карты. Доросеев сделал зевнул.

Зина открыла глаза и свежим, звонким голосом с большим удовольствием сказала:

— Поведа ты от меня к черту, повна! На этом занятии были окончены занятия.

В июле настала наконец очередь Виноградова принять участие в поездке по маршруту в поселок Ухри-Хукук. Каюле ни какое, это было все-таки развлечение. В поселке можно было пресной водой помыть голову и, если повезет, даже сходить в кино.

Все сто сэмдаск километр Доросеев с Генкиным выехали из лагеря. Виноградова демонстративно села в кузове на кошке, между передним бортом и инструментальным ящиком. Через каждый час Доросеев шелка ее тревинкой и пригласил в кабину. Предлагая ехать садиться за руль и ехать с любобой скоростью.

— Остань, — холодно отвечала Зина и поворачивалась на другой бок. О том, что допрыгнулся до руля, ей противно было даже думать.

Магазины, метеостанция и медпункт были расположены по углам большого треугольника. В середине располагались четыре новых цементированных колода с блоками и новыми бассейнами для водолетов, а также старые колоды, ослепленные пылью сабуаюом. В пыля лежали белые шишки, у кибиток играли босые дети в синих и в красных рубашках. Ослухательно аля, к самым подожкам примечалась грязные, лозматые собки.

Часы аля, на разбитая спина. Генкин таскал воду из глубокого колода. Стоя в кузове, Доросеев салвал воду в бочки. Зина работала «он подхватывает» — передавала ведра с водой в одну сторону, пустые — в другую.

Закончив работу, ребята заняли в магазин, купили поллитра воды, колбасы, баклажаны, салничного масла, конфет-полушек и шикл минеральной воды. Села в кузове обедать.

Несмотря на угловы, Виноградова воздуха не стала. Самым выд, спиртного в такую жару была аля и не хватало.

— Как только вы можете пить воду! —

— Лущее спроси, как мы едим эту колбасу! — пробурчала Доросеев.

По его круглому красному лицу и рукам алаив пот. От пота складывались корочки на щеках. Резиновые перчатки алаив и даже встрихивая головой. Колбаса имела очень подорительный вид — темно-красная, с обилием жесткого жира, сколкажа, будто намазанная. Вместо обода Зина пыла теплым взрысом с конфетками.

Мазинщик в плоской каркулевой шапке и в синем халате вышел на крыльцо, села на грязные ступеньки. Режая борода его была неподвижна. Доросеев позвал его, алаив в крышку термоса сто граммов. Мазинщик вынул закрутку, вынул чашку, вынул ложку и махнулся. Из неподвижного белого глаза мазинщика безостановочно бежала слеза.

— Подем чаш пшты! — воемло сказал Доросеев, сел за руль и алаив похаживал к своей большому и красной кибитке.

У кибитки лежал облезлый верблюд. Доросеев жестом погипнотизовал верблюда, вошла в кибитку и сразу же закричала:

— Салам алейкум, Мурда-ата! Как дела!

В глупые ветки высокой сухой старик, борода его росла и не пер; заметалась женщина, раставляла кошку на кошку, на кошку — ковер. На стене висело ружье «Затур-три коалды, мелкокалиберная винтовка, патронница и длинный музыкальный инструмент в распичном чехле. У крытых стен на рисничных судуках промодалась омеяла, подушки и коины. Старик пригласительно показав на ковер рядом с собой.

— Иди сюда, Володенька.

Доросеев сина сапоги и бросил их на землю у колода.

Склавившись потом, долго пыла теркей, густой чай из маленьких чайников с печением, с урюком, с конфетками-полушками. Нипшисше чаю, старик зяк со стены инструментом и, запрокинув голову, запел восточные голосом. При этом он бил уауры в бубны. Восточные же в кибитке поминали народ. Восточные теменодлые люди беснуемо садлись у колода на корточки, улыбаясь, тихонько хлопали в ладоши и поощрительно вскрикивали.

Внезапно Доросеев вставила пилву, резко подскочил, и, валив стовпиче у колода чью-то ладша, высочился из кибитки. Почув неадекватно, Виноградова поспешила за ним. Шофер стоял, опершись рукой о шпатулку ступи, лицо его стало серым, как обертонная бумага.

— Это не вода, — сказала она, выныгнув поконившись на Зину и вытерев губы. — Это колбаса. Мутит, поимвмше. И живот режет. Как убо.

Через полчаса Доросеев и Генкин лежали в кузове вывзявчи. Зина не знала, что с ними делать. Ребята извизывались, как будто их припекало изнутри.

— Вези на медпункт! — задыкался, сказал Доросеев.

Решившись, Виноградова завела машину и в второй скорости поехала по алулу к белому домику медпункта.

Тонкая, шелковая, разломанная от жары

Фельдшерница сперва с подозрением смотрела то на робота, стоявшего в кузове, то на Виноградову, сурово подождав у подножия, пока Генкина не начал топтать.

Тогда фельдшерница отомкнула прохладную комнату изолятора и робота были уложены на узкие железные кровати.

— Комбатский яд,— мрачно сказал фельдшерница, разведя в сторону кровати, и стала выдвигать стреленный раствор сквозь сомкнутые зубы Дорозьева...

Фельдшерница сделала обывам укол, и Зина показала, что робота окончательно потерял сознание. Но Дорозьева открыла глаза и ясным голосом сказала:

— Какой час? Надо ехать...

Виноградова вспомнила, что вода в лагере на пределе. Машина должна была выйти в ночь и утром быть уже там.

Фельдшерница вывела Зину в коридор и непрестанно прошептывала:

— Никуда он не поедет. И завтра тоже. Я по рации вызываю врача. А на завтра акт! Вы смеетесь, что ли,— кровавая рвота! С этим на тот свет отправляетесь. Соловчак какал! Вторую неделю продает какаш...

— Но, скажите, нельзя же так! — ошеломленно сказала Зина.— В лагере Ждут воду!

— Ах ты, какая соловья, немедленно иду в магазин...

Фельдшерница вдруг ужасно разволновалась. Вероятно, у нее была замедленная реакция.

У входа толпились туркмены. Мурда-ата на коротком сидеа в кругу и, огорченно поглаживая бороду, повторял:

— Ай, плохо как!... Ай, несчастье, совсем ям...

Зина вышла в кузов машины и пригорионилась. Четыре двухсотлитровые бочки, наполненные водой, пахоты стояли впереди кузова, между бочком и отгородившим ихником. Толстыми веревками бочки были связаны к стойкам металлического каркаса фургонка...

Наряду у домки становилось все больше. Пришла с метеостанции молодые супруги — он начальник, она наблюдательница.

Начальник метеостанции сказал:

— В которм часу свез? Попыннее вам известны?

Жена начальника подозрительно посмотрела на Зину узкими глазами.

Попыннее я не знаю,— горько сказала Виноградова.

Ее вдруг поразила собственная беспомощность. Начальник метеостанции с упрямом осуждением взглянул на ее бровочки и отошел от машины. Жена его неожиданно затараторила с кем-то по-туркменски.

— Про меня... — подумала Виноградова. Ей представлялось измученное, серое от жажды лицо Левочки и ядовитый выпад радиста: «Не надо было пускать эту девчонку! Она им по пути машину повернет...»

Зина ухмыльнулась в ворчлику губы Винограда, который, конечно же, молчал. И вост. Чего? В сумерках люди сидели, стояли, бродили у домки и негромко переговаривались. Зина могла только разорвать «су» — «года» и «жени» — «плохо» — «плохо».

— Это даа зернило движок, — сказала Зина.— Но кузов хорошо было видно, как хлопчатое над ребятами фельдшерница.

Виноградова спрыгнула, вошла в дом. Шофер бригады, Генкин ровно дышал с закрытыми глазами. Смутнее дерзкое лицо его было бледно-голубым, жесткие рыбки худы ступались и укладывались от вота... Виноградова вышла на крыльцо и спросила у примахавших людей:

— Кто знает дорогу на Аламан-кыр?

— Аламан-кыр, Аламан-кыр Эзл,— затворился из мужика, выходящего большими шагами. Мурда-ата поднялся с земли и взял за руку высокого горбоносного парня, одетого в серый хлопчатобумажный пиджак.

— Эй, Караш,— сказал он.— Давно Аламан-кыр ходил? Он встает...

Караш переступила с ноги на ногу, хакхурилась, подтянулась:

— Знать, Аламан-кыр идти можно. Сто семидесять километров, три дня верболом идеть...

— Сами, Караш, со мной в кабину,— неожиданно для себя сказала Виноградова.

Караш сидел неприступно. Виноградова крепко держалась за скобу, привернутой ниже шферского яничка. Зоркие темные глаза парня неот-

ривно смотрели вперед, на желто-серую полосу затоптанной овицы дороги. Виноградова боялась слишком сильно наживать на газ, и машина о том, что бензин и проволочник заблудятся, ауте, она боялась, бензин и хватит борма, шее, чем на пидтесит лишник километров, и даже по своему следу невозможно будет выехать обратно...

Но Караш понадеялся рукой направо, налево, вперед и Зина, машина, уловившая утренний свет, вновь докочилась до колеса в колдовском свете фар.

Мотор урчал, как обычно, скорости перекачались словно сами собой, правая нога при торможении не забывала отпуская газ, левая — выжимать сцепление. Караш пострелово поглядывал на Зину большими темно-карими глазами.

«Симпатичная...» — машинально подумала Зина.

— Сколько вам лет, Караш?

— Семнадцать,— широко улыбнувшись, сказал Караш,— еще в армие не служил... Совсем молодой...

Дорога летела и летела под колеса, казалось, что колеса как бы все время достигают свет лавины, не забывали при этом выключать собственных фар, что моторы выключались и увеличивались и скоро нельзя уже будет ни управлять машиной, ни оставить ее. Но Зина выгадывала на сидилятор и в который раз выматывала, что стрелка никак не может переключиться, что надо прижать. Это был тот самый участок дороги, где Дорозьева обычно выключала по-ямичици: «Не выдай, родимышка!», и летела в узких, глубоких зацементированных лавинкой колесах с превышающей всякое разумение скоростью.

За час пути машина прошла двадцать километров. От напряжения немного усталы лавчи. Зина морщилась затеряный лоб и слушала, слушала, слушала мотор; лицо у нее становилось сосредоточенное, докторское, как у Дорозьева. Но Зина ничего не могла услышать, и старалась не думать о том, что будет, если «забрахит» свеча, засорится карбюратор или замкнется «газ-индук» один из бесчисленных контактов «системы электрооборудования», которую она так и не успела «пройти».

Но стрелка амперметра откатывалась в правую сторону, датчик масляного насоса показывала нормальное давление, температура воды как поднималась до семидесяти градусов, так и оставалась. Вот только бензина было малоовато — Зина решила прибором продолжать путь, и поскольку в шумно работающей машине все равно было не под силу, его не стоило слушать.

Невольно Аламан-кыр спросила:

— Чабан! годю ответа? парень и ткуя себе в груду! темным пиджком... Отара полторы тысячи годов — каракули!

«Каракуль» — выдвигая, говорил московские языкомы. Там же масса каракули! Ты обязательно должна сделать себе пробку... Это же гроши по тем ценам...» Попробовала бы изникнуться этому карагезово о ценах на каракули! Зина даже фыркнула. На минуту она ослабила внимание, машина опасно выгнула вправо и влево, приборам разорвалась, выскрился. Но вперед уже было видно, что бензин тускло светился в свете фар, крепкий и гладкий глинистый такыр. Дороги по такыру не было. Вернее, весь он был — дорога.

Виноградова крепче прижала газ, ослабила руля и обильно встала на ступени скорости. Здесь-то можно было ехать с любой скоростью.

Вдруг ровный, мощный звук мотора преврался. Мотор два раза чихнул, залох, машина по инерции прошла метр, двадцать пять и остановилась. Конечно же, это катастрофа! Зина поспешно захватила — беспомощно, машина не заводилась!

Зина судорожно подняла капот и бессмысленно посмотрела на бензопровод, на карбюратор и на фильтр тонкой очистки. В душе подымалась мутное отвращение к себе, к жизни, к автомобилю. В этот момент Зина увидела даже огорченно ходящего вокруг двигателя Караша — свидетеля величайшего его унижения.

Прежде всего надо было выключить дальний свет, чтобы кто-нибудь не посадил ее аккумулатор. Остались тусклые подфарники. Хорошо, что машина встала на дороге, да еще

на этом такжде: легче будет искать с воздуха. Выхро к вечеру сообщит, что не вернулась машина с водой. И безобаярши начальник неостановится даст кому-то радиогруппам... Тогда уже придется ехать восвоясь. После такого удара придется отжить, что есть силы. А ведь она не может уехать отсюда, не хочеть! Дури! Караш поперсал! Это тебе не у лавицы Горького...

Караш присел на корточки у правого переднего колеса и неуверенно спросил:

— Ай-эй, Зинка, бездич кончили?

Не веря, что на свете может быть такое счастье, Зина опрометью бросилась в кабину, перекачала бензиновой краник и, чувствуя, как колотится сердце, Нажала на стартер. Мотор заглох, но Зина, хотя стрелка указателя бензина с нуая ушла...

Зина выпрыгнула наружу. С трудом найдя нужную пружинку, подкачала бензин в карбюратор мотора. Показался в кабину и в последнем отчаянии опять вынула выключатель зажигания стартера. Стартер захрепел, Зина захрипела, мотор чихнул, как спрыснул, и вдруг начал работать, тарыхет, и это было как откровение...

— Молодец, якин, уважительно сказала Караш,— карший ремонт!

Через сто километров пути, когда машина вышла из оврагов и находилась наконец serene, густо заросшие пески, Виноградова почувствовала странную усталость. Болела, ямалы лавчи, как колотится сердце, внакала на стартер. Мотор заглох, но Зина, хотя стрелка указателя бензина с нуая ушла...

Зина выпрыгнула наружу. С трудом найдя нужную пружинку, подкачала бензин в карбюратор мотора. Показался в кабину и в последнем отчаянии опять вынула выключатель зажигания стартера. Стартер захрепел, Зина захрипела, мотор чихнул, как спрыснул, и вдруг начал работать, тарыхет, и это было как откровение...

У первого же песчаного подъема, который Дорозьева обычно брала с налета, на третьей скорости, Зина остановила машину. В момент полача она ломанась с Карашем саксау и черкес и рвали какуя-то острую, как осока, траву и высталила подьем.

Зина вылезла из кабины, высталила машину вверх, стараясь не сойтись с высталила вверх, не газовать, чтобы не «порвать» «конвичку», «если нетарука» и вообще не «угробишь в песках машину».

Но блям блям ваят, за ним следующий и еще один, а потом еще один. Машина сесталилась назад, буксовала, и вода зашла в радиаторе, и пески становились все выше, по червячий след все падала и падала под колеса с высоких барханов, и машина вновь и вновь по саксаулу, по тракторный, наконец, по кошко саксаулу, по тракторный, наконец, по кошко брошенной на песок, вбиралась в иеремички. Дорогу перебрела четыре джебрангароча и три самочки.

Два недела джебран живет без воды,— сурово сказала Караш, даже не повернув голову,— человек — два дня...

И вновь машина медленно шла через пески и через дупляки и по длинным, горчим, размытым вешней водой извистковым слускам.

К подъему на Аламан-кыр машина пришла в полдень. Выхать туда было, конечно, нельзя. Зина вспомнила слова Дорозьева, никогда и не пыталась сбавить.

Виноградова заглушила мотор и постинвалила. Караш спал, положив красивую горбоносую машину на спинку сиденья. Большие руки его были в крови, разрастались. Вокруг высталила фетурки. Трудно было даже понять, что это. Зина постинвалила: трое, все население лагеря. Она постинвалила еще раз.

Валдым, палы, обрушавшая лавину шебия, сверху прямо по долине пидтхак спускались Безносос, Выхро и Леночка.

Первым подножка достиг радист. Выбравшись из поднятого при падении смерча и увидев Виноградову, радист удивился до того, что начал митовенно влетать лавч речи. Седая от пыли, в порывах бровочек, Зина стояла у переднего колеса, опустив грязные, набрякшие руки. Волосы ее были в беспорядке, в них застряла сухая веточка. Под глазами, у крыльев тонкого носа, на скулах, на открытой шее, в порывах бровочек, Зина стояла. Из растгнетного ворота колесной валаюце торчали обстриженные за ночь лапачицы.

— Эй, Караш,— хрипато сказала она в кабину,— вылезай, что ли! Приехали.

СЕМИЛЕТКА ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ

Говорят, что этот безводный мир песков, вымирающий в долгие месяцы знойного лета, медленно воскресает осенью и цветет, как сад, весной. Не знаю. В это трудно поверить. Я увидел пустыню в конце июля, когда песок раскален до восьмидесяти градусов, а скудная растительность испепелена беспощадным солнцем.

Это бескрайнее желтое море, однообразное ведро. Будь то Каракумы — черные пески или Кызылсумы — красивые пески, тант в своих недрах огромные сокровища: нефть, газ, серу. Но так просто пустыня не отдаст их человеку. Она повсюду одинаково дышит жаром, обжигает своим горячим дыханием...

Веками люди были рабами пустыни. Боясь погибнуть от жажды и зноя, человек не сходил с места заметной караванной тропы. Медленно передвигался он от колодца к колодцу, хранившему порцию всего несколько ведер соленой воды.

До революции иностранные предприниматели делали попытки прибрать к рукам богатства Туркмении, но пустыня остановила их, не отдавая им свои богатства. Покорить стравую, знойную пустыню оказалось под силу только советскому человеку. Если за сорок лет иностранные фирмы добыли всего 1 миллион 200 тысяч тонн нефти, то сейчас только за год нефтяники республики добывают свыше 5 миллионов тонн, а к концу 1965 года будут добывать 7,5 миллиона тонн черного золота.

Дыхание семилеток, ее грандиозный, размахистый шаг отчетливо чувствуются сейчас в некогда безжизненных просторах туркменской пустыни. Молодые, мужественные, стойкие люди пришли сюда, чтобы отвоевать у суровой природы ее огромные богатства, нужные народу, уверенно строящему коммунизм.

Да, им тяжело. Порой бывает даже очень трудно. Но неистребимая комсомольская энергия, неудержимый молодежный порыв помогают им победить. Их каждодневный, самоотверженный труд равенсилен подвигу.

Плач
над
пустыней

Виктор САКК

Фото автора.

СЕМЕРО СМЕЛЫХ

Свет фар прорезает ночь, выхватывая барханы, громаздящиеся слева и справа. Кажется, что они наступают, давят со всех сторон. Среди них, упорно рыня, ползет машина. В кабине двое молодых сильных людей, но порой и им кажется, что из этого черства песка нет выхода. Когда мотор захлебывается и колеса зарываются в песок, они выходят из машины и начинают «шалманить». Знаете ли вы, что это такое? Снова и снова приходится подкладывать под колеса толстые кортовые доски. От них на песке остаются глубокий след, в ладонях — глубокие занозы. И все это ради нескольких метров пути, а потом все сначала...

Остановиться и отдохнуть нельзя. К утру, до жары, надо догнать ушедших вперед товарищей. Им нужны вода, хлеб, а туркменская ночь коротка.

— Еще мать, еще один — вот и вершина баргана.

Над головой звездное небо и луна, огромная, смеющаяся. Жена ненавидит ее. Как можно смеяться, когда им так трудно! Ноет все тело, страшно болят руки. Проклятые «шалманы»!

— Ну, теперь сама пойдет. Сиди, Женя. Поехали.

Джоглядзе забросил «шалманы» в кузов и сел за руль. Чтобы не уснуть, он все время напевал и напевствовал какую-то грузинскую песенку. Время от времени поглядывал на Женю, весело подмигивая. Он знал по себе, как она устала. «Но не подает виду, борется со сном, чтобы товарищу легче было. Хорошая девушка», — думал Джоглядзе.

Небо начало светлеть неожиданно. Так всегда бывает в Туркмении.

СЕЙЧАС В КАРАКУМАХ ЧЕРЕДНО МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ТАКОЙ КАРАВАН.

Женщины глаза закрываются сами, и она уже не может больше бороться со сном: на рассвете особенно хочется спать.

Перед глазами вновь встает картина тлаемого пути через барханы и солончаки. Потом песок превратился в воду. Как много воды, целое море! А вон огни. Это огни родного берега. Шумит прибор. Он очень похож на шум мотора... Хорошо бы искупаться. Она бросается в море прямо с эстакады...

...Жена проснулась от сильного толчка. Ее позадила тишина, тишина, от которой звенит в ушах. Восток порозовел.

Волдыня в кабине не было, мотор молчал. «Что-то навалило», — сразу мелькнуло в голове. Она спрыгнула с подножки, ноги ее погрузились в теплый сыпуч.

— Что случилось, Володя?
— Что случилось, что случилось! — проорал стужа-то изпод машины Дюкдидзе. Жене были видны только его ноги. — Не видишь? Сели!
— Как сели? — не поняла Жена.
— Крепко спали...

Начальник топографического отряда Владимир Костричко еще раз вчитывался в текст радиogramмы.

«...Машина застряла десяти километрах, воды нет...»
«...Машина застряла...» мысленно повторил Костричко. — Значит, в песок остались без воды пять человек и двое в машине. Костричко достал карту. На ней обозначена трасса, по которой идут геодезисты. Судя по координатам, указанным в радиogramме, это где-то здесь. Вот черт! Самый трудный район.

Он, конечно, пытался выйти к машинам. Костричко знает, как это трудно. Днем зелья идти жара, — ночью легко заблудиться, а кругом солончак, топь. Георгий Мазанишвили, опытный техник-топограф, не первый раз руководит бригадой в песках. И если он дал такую радиogramму, — значит, долга плоская. Развить у него все молодое, сильное. Не догдо ли он подержится без воды? И с ними девушка, радистка Нина Удмуашвили, ей особенно трудно: она впервые в песках. С машиной Володя Дюкдидзе. Этот не новичок. За него можно быть спокойным.

Единственный способ спасти людей — вертолет. Костричко вызывает радиста.

Сажусь с Кум-Дагом. Там у нефтяников есть вертолет, вахту развозит. Объясни положение. Я срочно вылетаю к ним.

— Так вот, товарищ Костричко! Не дать вертолет мы вам не можем — там люди погибнут. Но вы должны понять и нас. В семнадцать часов надо раздаться вахту. Что бы ни было, бурение срывать мы не можем. Значит, в вашем распоряжении два часа пятнадцать минут. В случае необходимости вы сможете вылететь на позиции еще раз после двадцати часов или рано утром. Ну, желаем успеха.

Костричко положил телефонную трубку и облегченно вздохнул.

Как огромная стрелка, «МИ-4» повис над пустыней. Сверху хорошо видно, как «дымят» причудливо извивающиеся гребни барханов. Недаром эти пески называют живыми. С вертолета они ка-

жутся огромными пешеходами, подгоревшими на сковороде.

Вертолет летит вдоль трассы, по которой прошли люди. Кое-где по краю солончаков видны почти незаметные следы машин. Пятнадцать суток пробиваются семь человек через этот трудный участок пустыни, который долгие времена оставался белым пятном на геологической карте. Они перелопоты. Они всегда делают перемы, самые трудные шажки. Трудная, но замечательная профессия геодезиста.

Костричко все время думал о том, что был сейчас там, в песках. Он не мог думать о другом. Он вспоминал, как месяц назад к нему пришла Нина Удмуашвили. Она приехала из Тбилиси. Как горчо она доказывала, что хочет работать в поле, что она училась в техникуме не для того, чтобы сидеть на радиостанции!

— Товарищ Костричко, — позвал первый пилот, — придется спускаться ниже, а то ничего не видно: метет.

Костричко мигнул. Прошло уже больше часа, а ни людей, ни машины не видно. Ветер усилился. Неужели придется возвращаться ни с чем? Ни Костричко, ни командир вертолета, ни бортижник не хотят в это верить. Каждый из них понимает: завтра morning будет поздно.

Теперь вертолет летит совсем низко. Хорошо видно редкие кустики саксаула и песок, песок, гонимый ветром. Спутники семейства джебренов... Люди не видно.

Безына осталось в обрызг, на обратный рейс. Еще минут десять — и надо поворачивать. И вдруг — черная точка!

Это теодолиты, сложенные пирамидой, небольшой ящик с приборами, полужансенный песок. Люди нет, следов тоже.

Вертолет наминает по спирали кружить все дальше и дальше от этого места.

...Вот они! Долгожданные фигуры людей. Они машут руками, что-то кричат. Но почему только четверо? Кто-то чувствует, как у него начинают стучать в висках. Фу ты Вон и пятый бежит. Костричко облегченно вздыхает. Вытывает лицо...

Вскоре была обнаружена и машина.

...В кабину вертолета набилось сразу все. Наконец-то можно спрыгивать от солнца и от песка. Меложки окривели везде: в волосах, ушах, во рту.

Сначала все молча пили, пили долго, не торопясь.

Каким они заросшие, обгорелые! Глаза воспалены. Еще бы, двое суток на спящих, чувствуют, как у него начинают стучать в висках. А то ты совсем засохла.

— Ну так тебя, Володя! — Да замялись.

— Какое счастье, оживают! — сказал, улыбаясь, Костричко и отвалил геоджинку в сторону. — Слушай, как, ребята устали, может, полетите на пару дней в Кум-Даг Отдохните!

— Устали, ну и что? Вот трассу пройдем, тогда отдыхать будем. Осталось ведь совсем мало, километров шестьдесят, не больше.

...Вертолет пригнет вверх.

Машина и люди быстро уменьшаются и вскоре пропадают из виду.

Он снова остался один на один с грозной пустыней. Остались потому, что они из тех, кто умеет побеждать.

Для вас, искатели, для вас, романтики!

В ноябре 1960 года выходит в свет первый номер приложения к журналу «Вокруг света». Имя его — «Искатель».

Искатель... Человек дерзкая, бесполокной мысли, вдохновенного труда, высокой мечты. Человек, который в будничных, привычных делах сегодняшнего дня видит будущее, созидает его. Человек, жизнь которого пронизана романтикой поиска.

Думается, что читатели «Смены» с интересом встретят новое издание. Ведь оно, по существу, и есть герои «Искателя», участники величайшего в истории строительства новой жизни. И вполне вероятно, что «Искатель» поможет многим нашим юношам и девушкам найти свою дорогу в жизни, свое призвание, осуществить свою мечту.

В новом приложении вы познакомитесь с литературой фантастики и приключений. В «Искателе» будут печататься писатели известные и начинающие, советские и зарубежные. В нем выступят видные ученые.

Они расскажут о разных областях науки: биологии и химии, кибернетике и астрофизике, — о перспективах их развития и побед на благо Человека.

«Искатель» предоставит свои страницы документальным приключенческим произведениям. Читатели узнают о мужестве и находчивости людей, столкнувшихся лицом к лицу с опасностью, о первых самостоятельных шагах — а потому особенно трудных — шагах юной и девушек, вступающих в трудовую жизнь...

В первом номере «Искателя» публикуются главы из приключенческого романа Д. Крамникова «Победа» и статья профессора Ф. Прокровского о сверхскоростном ракетном транспорте будущего. Вы прочтете рассказы молодых советских писателей-фантастов В. Журавлевой и братьев Стругацких.

А. и Б. Стругацкие в своем рассказе «Свечи перед пультом» повествуют о проблеме бессмертия человека, его мозга, его памяти...

Кинооператор В. Микоша рассказывает о том, как приключения ему пришлось пережить, путешествуя с кинокамерой по нашей стране и за ее рубежами.

«Искатель» начинает свою жизнь, друзья. Он для вас, герои наших дней, для вас, романтики коммунизма.

ДВА ВЕДРА ВОДЫ

— Эй, дружище, погоди!
Трактор остановился, а когда пыль немного осела, из кабины выглянул парень. На бороде, усах и бровях песок, будто мукой обсыпанный.

— Тебе чего? — спросил у бурового мастера, перекрививая шум мотора.

— Слушай, друг, у меня ребята на буровой без воды вот уже девять суток сидят. Техническая вода кончилась. Бурение остановили. По радию сообщают, что водозаказ вчера вечером из Дарваза вышла. Кто ее знает, когда придет. То ли застряла, то ли заблудилась. Ты ее, наверно, встретишь. Можешь, выручишь, а?

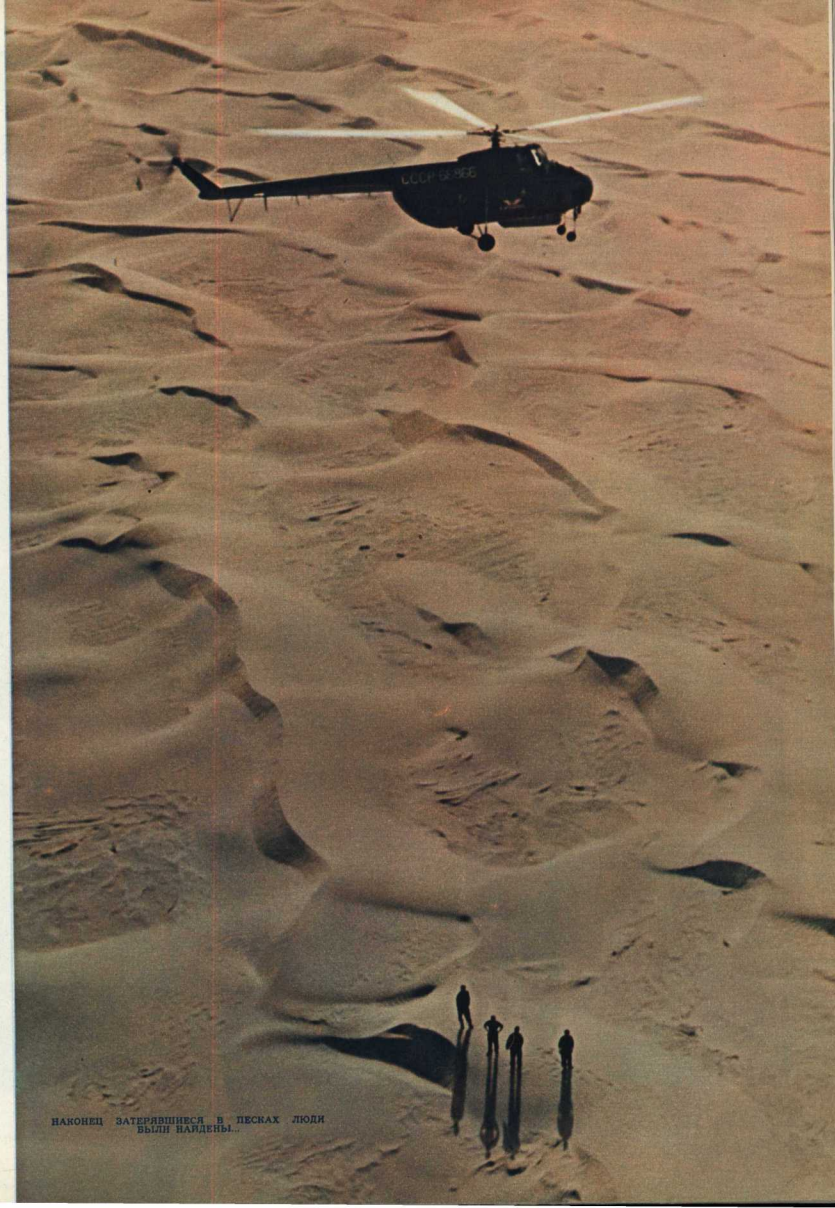
— Да у меня у самого только два чучела. Ладно, два ведра дам, больше не могу — мне еще пять суток топать.

...Он собрался вокруг мастера и молча смотрел на воду. Каждый думал об одном и том же. Люди облизывали пересохшие губы, но никто не тронулся с места. Все ждали, пока выйдет мастер.

— Сам решайте, что с водой делать. Тут я вам не указчик, — сказал он.

... Да чего долго разговаривать! Давай, Виктор, залей в дизель, не умрем.

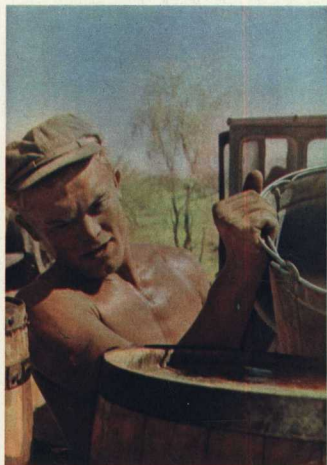
Каждый из тринадцати сделал по маленькому глотку. Осталь-

НАКОНЕЦ ЗАТЕРЯВШИЕСЯ В ПЕСКАХ ЛЮДИ
БЫЛИ НАЙДЕНЫ.

ВЕРТОЛЕТ — НЕЗАМЕНИМЫЙ ДРУГ ЛЮДЕЙ,
РАБОТАЮЩИХ В ПУСТЫНЕ.

ВОДА В КАРАКУМАХ ЦЕННЕЕ ЗОЛОТА, И ТРАКТОРИСТ
ВЛАДИМИР МЕЩЕРЯКОВ СТАРАЕТСЯ НЕ ПРОЛИТЬ
НИ КАПЛИ ЖИВИТЕЛЬНОЙ ВЛАГИ.

КАК ЗАВОДЛИВЫЙ ВРАЧ, ВЫСЛУШИВАЕТ СЕЙСМОЛОГ
СЕРДЦЕ ПУСТЫНИ — ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КАРАКУМЫ.

ЕСЛИ «ГАЗ-60» ВЕДЕТ КОМСОМОЛЕЦ ВАЛЕНТИН ШУШПАНОВ, МОЖНО НЕ СОМНЕВАТЬСЯ: МАШИНА ПРОЙДЕТ БЕЗДЕ.

БУРОВА ИРБЕКА ГУРИЕВА СТОИТ НА САМОМ ОТДАЛЕННОМ УЧАСТКЕ. НЕСМОТРЯ НА ТРУДНЫЕ УСЛОВИЯ, ИРБЕК И ЕЕ ДРУЗЬЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИ ПЕРЕВЫПОЛНЯЮТ ЗАДАНИЯ.

ЗНАМЕНИТЫЙ БУРОВОЙ МАСТЕР МАВЛИД БАЛИХАНОВ.

ОТЕЦ И СЫН АПРЕНКИНЫ ТЕПЕРЬ ВМЕСТЕ РАЗВОДЯТ ГОЛУБЕЙ.

ОЛГА АПРЕНКИНА — ПОВАРИХА СЕМНА ДАТОН БУРОВОЙ.

ВАХУТА БУРИЛЬЧИГА ВИКТОРА ФЕСЕНКО НЕДАВНО УСТАНОВИЛ РЕКОРД СКОРОСТНОГО БУРЕНИЯ.

ным напоили дизель. Вышка ожиле.

А утром следующего дня покчалась водовозка. Водитель Дурзев буквально спал на ходу, но руль держал крепко.

— Ну как, Ата, дорожка?

— Как в Сочи, только жаль, моря нет, — ответил водитель и, приосновившись к сиденью, крепко уснул.

О ЛЮБВИ

Аэродром на серном заводе — своего рода перевалочный пункт. Сюда прилетают самолеты из Ашхабада, а отсюда улетают на Дарваз, Ташауз. Возят они воду, продукты, оборудование, серу.

Рано утром на летное поле собирается много народу: геологи, бурьильщики, шоферы — встречать грузовые самолеты.

Сегодня в темноте, в ожидании первого рейса, они живо о чем-то беседуют.

— Нет, я всегда знал, что человек к своей работе душой прирастет, — говорит высокая паренек с выгоревшими усами. Сразу видно — бурьильщик. — Потому, по себе знаю. Ну, я в разную там любовь не верил.

— А сейчас, значит, поверил? — Та не перебивай же! — шикнула усатым на молодого паренька в замасленной кепке. — И поверил. Вот слушайте.

Случилось это в прошлом году, на сто пятьдесят третьей скважине. Это та, что газ дала возле Дарваза. Пришел к нам в бригаду после армии дизелист Алеша Аленкин. В пограничниках здесь служил. Прошлый год много их, демобилизованных-то, осталось работать в Каракумах. Ну и он, значит, чтоб от товарищей не отстал. И три дня, братцы, у него вышла... э-э... ну, как ее...

Усатый паренек повесил в затылке, вспоминая слово, которое, как назло, вылетело из его рта. На его лице было такое мучительное выражение, что все окружающих...

— Си-ту-а-ция, — вспомнил он. — Так вот, говорю, трудная ситуация получится. В Белоруссии у него жена и ребенок остались. Слева он все говорил: «Вот скважину сдадим, и домой подумамся». Ну, за полгода привык он к ребятам, настоящим бурьильщиком стал. Да и мы приазвались к нему. Парень больно хорош. Но все грустит, по дому тоскует. В свободное время все больше один да с голубями занимается. Большой любитель до голубей. Видное ли дело, в пески с собой их привозит, голубятню приспособил так, чтобы змеи не достали. Бывало, с водой подожмет, так он с голубями последний делится.

Когда скважину сдали, пришло время на новое место перебраться. Алеха наш уж все вешнички собрал — решил к себе в Белоруссию вернуться. Вот за завтраком, когда все собралось, и говорит: «Не хочешь мне, братцы, узвезти от вас. Как газ ударил, понял, что прилил я к этой работе, да и к вам тоже. А жеть надо, — дома уж четвертый год как

не был. Жена заждалась, сын там без меня растет...»

Есть у нас комсорг, Идрис Аскеров. Бедовый такой, бывший моряк. Вот он и говорит Аленкину: «Слушай, зачем тебе ехать, если работа по душе, пусть лучше жена сюда едет». Ребята обрадовались. Правильно, говорят, оставься, чего там. И уговорили. А жене в Белоруссию звать и письмо написали от всей бригады. Так, мол, и так, муж твой в пустыне газ, нефть ищет, скоро здесь целый город вырастет. Приезжай — первыми новоселами будете...

Я тогда разошлись. Не приедет она, говорю, что вы парню самовольную жизнь устраиваете. А они мне: «Ничего ты не понимаешь, если любит, — приедет». Да нет теперь таких жинко, говорю, чтоб за мужем в пустыню ездил! И поспорил с ребятами, что не приедет, испугается пустыни.

— Ну и что? — спросил с интересом пожилой водитель с бензовоза.

— Приехала! Прямо на буровую заявила с маленькой. Хо-

рошай такой, копия — отец, Витькой кличут. Теперь вместе с Батькой голубой разводит...

В небе послышалось урчание — приближался «Ли-2». Народ начал расходиться.

— Слышь, усы, проспорила, зичити? — спросил, улыбаясь, паренек в замасленной кепке.

— Проспорила.

— Выходит, есть она, любовь-то?

ЧЕМУ УЛЫБАЛСЯ МАСТЕР

На семнадцатую буровую я попал в самое горячее время. Вышка уже была собрана и лежала, готовая к подъёму. Натягивали тросы, и вышка чем-то напоминала мне Гуливера, поставленного в плен к лиллипутам. Тракторы выровнялись гуськом, зацеплены тросы, можно начинать подъём.

Мастер Павел Осиков нервничал: ядрут, малейшая ошибка, перекос — и все рухнет.

Он поднял обе руки вверх. Все замерли в ожидании. Сейчас он разведет руки в стороны — тракторы тронутся, и вышка медленно начнет подниматься.

— Стой! Стой! — раздался чей-то крик.

— Что случилось?

— Идрис на блоке остался.

— Вот я ему сейчас... Вечно что-нибудь выдумает! — Мастер бросился к блоку — вертушке буровой.

Комсорг Идрис Асхеров, терпеливо слушая, как его ругают, невозмутимо продолжал заниматься своим делом — он прилаживал к блоку какую-то трубу в папач толщиной.

— Идриса слушает да ест, — сострил кто-то.

Но никто не рассмеялся. Все видели, что мастер сейчас взорвется.

Идрис кончил работу и спрыгнул на землю.

— Павлик, зачем кричать? — спокойно сказал он. — Ты знаешь, как на море корабли узяют? Вот и я хочу, чтоб нашу буровую издадека видели...

Когда стотонная громада поднялась, все увидели красный флаг. Он развевался над пустыней, как символ победы над ней.

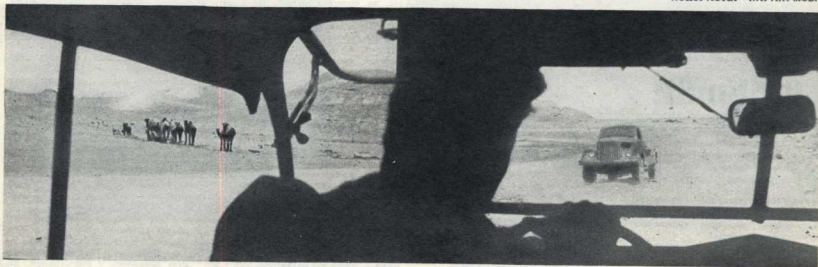
Мастер, запрокинув голову, смотрел вверх и улыбался.

И остальные тоже улыбались.

ЧЕЛОВЕК ПОБЕДИЛ ПУСТЫНЮ. ГАЗ ПОШЕЛ!

КОНТРАСТЫ КАРАКУМОВ.

Алексей ФАТЬЯНОВ

ХЛЕБ

О Д А

Стало небо синей и лучи горячей.
Бубенцов под дугой распавшей
Завенел голобистый, веселый ручей,
А навстречу, ликуя, другой,
И, петляя в лесу между пней и корней,
Они, встретясь, слились навсегда.
И бежит, как взпряженная в тройку коней,
Нагруженная звоном вода.
Пролетев коском, воздух взрывает крылом,
Оступаясь скворцы на полях,
Хлебом, яблоком, медом, парным молоком
Поддревата пахнет земля.

Нашей северной русской природе
Поклоняться готов целый век,
Навегда полюбить половец
С виду тихих, задумчивых рек.
Сколько силы в весеннем

Воды плавно текут, не спеша,
Будто в этом радальном порыве
Скрыта русская наша душа.
Как люблю я вас, волные льдины,
Накануне цветения земли!
А что люблю,— навелю люблю,
Без чего б мы прожить не смогли.
Любим так, что листьям зеленой
Вся земля зазеленит наконец.
С добрым утром, Отгизна влюбленных,
Вдохновенных и щедрых сердец!

У бригадира мрачный вид.
Он ходит, воду пьет, разливел!
Ну, черт с ним, если сам
не спит,—
Ведь нам спать не дает.
И на минуточку присев
На свой дубовый стол,
Он никак кричит:
— Ведь скоро сев!
Ведь се-ев, а не футбол!
Какая стать у всех машин!
Осанка! Ход! И цвет!
А где бензин? То-то бензин.
Всплывая капли лет,
Вам все лежать бы на боку,
Поспывистывать в носы...
И он чешит во всю Ваку,
Грозидеть и Туйманю,
Воздух графиня прикончил он.
Пусть пьет себе — вода ж!
Но зазелен тут телефон —
Сластитель добрый наш.
— Что? Прибыл? Две цистерны?

Три?

Ура! Пришел бензин!
Ветавый скорей, глаза прогнал!
И — брак о стол графиня!
В страду минутой дорожат,
И мы им счет велю...
От нетерпения дрожа,
В бон за чудотворца!
Всю ночь машины шли.

Ты меня не вини, дорогая,
И не жди у реки в топках.

Наступила пора зоревая,
Отгневая пора на полях.
Журчат ручьи. Кричат грачи.
Горят, горят костры в ночи.
Отзвенели капли апреля.
Зацветают ветры на дугу.
Я в бессонницу эту неделю
На свиданье прийти не смогу.
Журчат ручьи. Кричат грачи.
Горят, горят костры в ночи.

Не смотри на дорогу, родная,
И не жди в топках у плетня.
Зоревая пора посевная.
Все равно не отпустит меня.

Журчат ручьи. Кричат грачи.
Горят, горят костры в ночи.

Утро голову кружит, дурманит,
Как вино, опьяняет меня.
Утопяя в рассветном тумане,
Молодые шумят зелена.

И хочу, чтоб они не клонились,
Чтобы рос покосорее и креп
Наш надежный помощник,
Кормилец,
Вотгяртер наш,
Наш батюшка — Хлеб.
Если к нам прокрадутся морозы,
Мы в обиду его не дадим.
Хлеб наш в светлых просторах колхозных
Отгреем дышанием своим.

Хлеб!
И вижу я: мчатся танкины.
Виды белых. Разбой и грабеж.
С красным флагом мальчишка в кубине
На нескатую падает рожа.
Хлеб!
И тысячи детских ладоней
Молот: — Хлеба кусочек подай...
Хлеб!
И скачут горячие кони...
Ворошлов, Буденный, Чапай.
Хлеб!
Кулачки вижу обрызг.
Хлеб!
Горят урожай на корню.
Хлеб!
Скорежущу чутгы и железу,
Пробивая дорогу огню.
Хлеб!
Влокадые дни ленинградцев.
Хлеб!
Строительство мирных лет.
Шаю в дальние земли срываются
Добровольцев великое братство,—
Вот что значит он, батюшка Хлеб!
Потому будут вечно влетать
Колоски
В наш прославленный Герб.

На весь невиданный простор,
На весь родимый край,
Сила,
Крылья распростер
Красавец урожай!

Опыт наш бригадир кричит:
— А ну, друзья, нажда!
Заметил мой унылый вид,
Ворчит:
— Не отставай!

Ты, бригадир, подумай сам,
Ведь с этим самым хлебом
Сто лет девственно два часа
Я на свиданье не был.
Ты чурка, право.
Вроде вино.
Ведь ты женат, известно.
А я уверен: от меня
Откажутся невеста!
— Поди — откажетесь! Как раз!
Смешно и незрелое.
Ты в государстве, друг, сейчас
Виднейшая персона.
Пускай от пыли побелею,
Но ты, как то ни странно,
Почти министр важнейших дел —
Своих и иностранных.
На этом кочим разговор.
Надоесть, нет ли попросю?
Так что, товарищ комбайнер,
Смотри, не ломай носы.
Любовь не оправдатель лень.
Хлеб вовремя урвать бы,
А там...
Прими мой трудоед —
Дарю тебе на свадьбу.

Времечко страдное. Времечко жаркое.
Трудятся люди не зря.
Всех одарила своими подарками
Матушка наша земля.
Дынами арелыми,
Грушами спелыми,
Вкусной капустой,
Яблоком с хрустом,
Сонным и вкусным,
Свежим соловьем,
Сладким вареньем,
Сливой моченой,
Хлебом печеным,
Бельм и черным,
Славным, почетным,
Хлебужком-хлебом своим!

Если друзья, с кем мажорку
делили мы,
В наши заглянут края,—
Стоп наш прогнется от
влюбленик —

Всем угощает земля!
Дынами арелыми,
Грушами спелыми,
Вкусной капустой,
Яблоком с хрустом,
Сонным и вкусным,
Медом, вином золотым,
Свежим соловьем,
Сладким вареньем,
Сливой моченой,
Хлебом печеным,
Бельм и черным,
Славным, почетным,
Хлебужком-хлебом своим!
1959 год.

ВСТРЕЧА

ВСТРЕЧАТЬСЯ, ОБСУЖДАТЬ, ДРУЖИТЬ!

Беседа с вице-президентом
ВФДМ, секретарем ЦК Народно-молодежи Индонезии
Суаром Суурою

«СМЕНА». 10 ноября исполняется 15-я годовщина со дня основания Всемирной Федерации демократической молодежи. Каковы итоги деятельности Федерации за этот период?
СУАР СУРОЮ. Вы знаете, что сразу после победы над Фашизмом представители молодежи 63 государств съехались в Лондон и решили создать Всемирную федерацию демократической молодежи. В нее вошли тогда 30 национальных молодежи. Они дали клятву отдать все силы молодого поколения на борьбу за мир, чтобы никогда больше не повторились ужасы войны.

Наша федерация объединяет национальные организации различных взглядов — политические, религиозные, социальные. Ее цели — координировать действия организаций молодежи в интересах демократии, мира и дружбы. За пятнадцать лет, прошедших после войны, миролюбивые силы на земле, а вместе с ними и демократическая молодежь мира могут отнять не одну победу над силами войны, над капитализмом. «Мир Вьетнаму!», «Руси против Египта!», «Долой иностранные ракетные базы!» — с такими лозунгами на улицах

городов всех стран мира в первых рядах колонн демонстрантов всегда выступала и выступает молодежь.

В эти годы борьбы за счастье людей на земле наши силы выросли и окрепли. Федерация объединяет сейчас 87 миллионов юношей и девушек примерно из 100 стран.

Всю силу молодежного события в Японии, деле во время недавних демонстраций в Японии, Южной Кореи, Турции, Италии, когда молодежь нанесла решительный удар реакции.

Мы знаем, что сейчас более чем когда-либо мир находится в руках народов и молодежи. Мы уверены и должны отстаивать его.

«СМЕНА». Каковы значительные мероприятия молодежи, в которых принимала участие ВФДМ?

СУАР СУРОЮ. Перечислить все мероприятия, конечно, очень трудно. Пять раз собиралась высший орган Федерации — Ассамблея ВФДМ. На них подводились итоги деятельности организаций, выбирались руководящие органы, назначались мероприятия на будущее.

Делегаты ВФДМ побывали во многих странах мира. Во время этих визитов делегаты ВФДМ распространяли среди молодежи идеи мира, борьбы с колониализмом, за лучшее будущее молодежи, выражали солидарность борющейся за свои права молодежи.

ВФДМ организовывала региональные встречи молодежи, международные конференции, международные семинары, международные трудовые лагеря, как, например, организованные властями Кубы лагеря с революционными восточными героями-школами в Сьерра-Маэстра. Представители молодежи почти 50 стран трудились на земле Кубы. В этом же году в ГДР был первый международный детский лагерь.

ВФДМ принимает активное участие во многих международных мероприятиях миролюбивой молодежи мира. Большую роль в антиколониальной борьбе сыграла Конференция афро-азиатской молодежи, проходившая в прошлом году в Каире.

Наноец, большим событием в жизни ВФДМ является ее участие в подготовке и проведении всемирных фестивалей молодежи и студентов.

«СМЕНА». Каковы планы Федерации на будущее?

СУАР СУРОЮ. Наша федерация, верная духу лондонской клятвы, будет и впредь выступать за сотрудничество во всех сил молодежи во всем мире на земле, во имя ликвидации колониализма, во имя лучшей жизни молодежи. ВФДМ будет поддерживать все региональные и национальные инициативы молодежи.

ВФДМ заключила в подготовке предстоящего в 1961 году Всемирного форума молодежи в Москве и будет добиваться его успешного проведения.

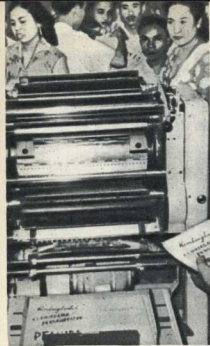
Федерация будет поддерживать также предстоящую панафриканскую конференцию молодежи и второй фестиваль молодежи Африки.

Мы намереваемся провести следующее заседание Исполнительного комитета в одной из стран Латинской Америки, трудясь над тем, чтобы в ближайшее время провести европейскую встречу молодежи.

Как и прежде, мы будем поддерживать борьбу японской молодежи против японо-американского договора Безопасности, будем поддерживать борьбу юношей и девушек Кореи за выход иностранных войск с их родины.

Таковы лишь некоторые, далеко не полные наши планы конкретных мероприятий и акций солидарности. Особо хочется с радостью констатировать, что в ближайшем время ВФДМ намеревается расширить работу Международного фонда солидарности: мы будем больше помогать школам, больше посылать библиотек, больше представлять стипендий.

В заключение мне бы хотелось использовать возможность и через журнал «Смена» поздравить советскую молодежь с национальным и международным праздником Октябрьской революции и пожелать ей больших успехов в великом деле строительства новой жизни.

«БУДЕМ КРЕПИТЬ ДРУЖБУ И СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ МОЛОДЕЖЬЮ МИРА» — ГЛАСИТ ПЕРВАЯ ЛИСТОВКА, ОТПЕЧАТАННАЯ НА МАШИНКЕ, ВЫДЕЛЕННОЙ ВФМД ИНДОНЕЗИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА СОЛИДАРНОСТИ.

МАНИТЕСТ ЖУРНАЛА «МОЛОДЕЖЬ МИРА» — ОРГАНА ВФМД — ПРЕСТАВЛЯЕТ НА КАРТЕ МИРА ЗНАЧИКИ НА СТРАНАХ, ГДЕ ЕСТЬ ЧЛЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВФМД. ЭТА КАРТА ПОЯВИТСЯ В ЮБИЛЕЙНОМ НОМЕРЕ.

СТУДЕНТЫ МЕХИКО ВЫШЛИ НА УЛИЦЫ И ДЕМОНСТРИРОВАЛИ ЗАЩИТУ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ.

ОДИН ИЗ АКТИВНЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ ТРАДИЦИОННЫХ ЕЖЕГОДНЫХ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ МАРШЕЙ ИЗ ЛОНДОНА ДО АЛДЕРМАСТА — ЧЛЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВФМД В ВЕЛЛИКОБРИТАНИИ.

Иржи Пеликан:
НАС ОБЪЕДИНЯЕТ
ОБЩНОСТЬ ЦЕЛЕЙ

Приветствие председателя Международного союза студентов

Радостно приветствовать от имени МСС Всемирную Федерацию демократической молодежи по случаю ее 15-летия. Наши пожелания не являются формальными. Ведь МСС и ВФМД объединены не только общими протекционством, но и общностью целей.

Обе наши организации объединяют молодежь под общим знаменем борьбы за мир, за национальную независимость, демократические права и наилучшие жизненные условия молодого поколения нашей планеты.

Сотрудничество МСС и ВФМД основывается не только на прошлом. Мы знаем, что студенты — составная часть молодежи и они могут добиться успехов только в сотрудничестве с другими молодежьими организациями. Это наглядно подтверждают последние события, красноречивые свидетельства совместных действий молодежи в защиту мира, усилий, направленных на прекращение ядерных испытаний, за соглашение о всеобщем разоружении, за ликвидацию военных баз на чужих территориях. Об этом свиде-

тельствует общая борьба студентов и молодежи против колониализма, солидарность с молодежью Алжира, которая уже 6 лет упорно борется за свою национальную независимость.

Студенты вместе с молодежью решительно выступили в защиту молодой Республики Конго и революцию на Кубе, против протекцион международного империализма.

Когда студенты Южной Кореи и Турции восстали против диктаторских режимов, в защиту демократических свобод, они встретили поддержку молодежи и студентов почти всего мира.

Усилия студенческих организаций состояли также и в том, чтобы двери институтов были открыты для всех молодых талантливых людей, без различия их социальной и расовой принадлежности. Они горячо поддерживали организации молодежи, так же, как и борьбу молодых рабочих и земледельцев за улучшение их жизненных условий.

Конкретным проявлением этого сотрудничества явились всемир-

ные фестивали молодежи и студентов, одним из нередовых инцидентов которых является именно ВФМД и в которых принимал участие МСС.

ВФМД и МСС в одинаковой степени сотрудничают в праздновании 24 апреля — Дня солидарности с молодежью и студентами колониальных стран — и в целом ряде других мероприятий. Мы верим, что это сотрудничество будет и в дальнейшем развиваться в пользу общей борьбы всего молодого поколения.

Международный союз студентов очень высоко оценивает работу, которую проделала ВФМД за последние 15 лет в защите интересов молодежи и усилий, приведших к единству молодежи всего мира в борьбе за мир, за национальную независимость, за улучшение жизненных условий всех молодых людей.

Поэтому мы от всего сердца желаем ВФМД, чтобы она на этом пути достигла больших успехов, чтобы оставалась все время молодой организацией, неиссякаемой энергией и творческим задором.

А ЕСЛИ НАДО ДАТЬ ОТПОР ФАШИСТАМ, ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ПРИНИМАЕТ САМЫЕ РЕШИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ. ТАК БЫЛО В ИТАЛИИ В ИЮЛЕ ЭТОГО ГОДА.

ДЕЛО ШЛЕКА

С. АХМАТОВ

Неудачи следовали одна за другой, словно злой рок преследовал третью комсомольско-молодежную смену. А то, что случилось сегодня, было просто непостижимо. Вчера, когда на заседании партбюро обсуждалась работа смены, ее руководитель Игорь Мальцев изложил: «Завтра же исправим положение». И вот это «завтра» на третьей печи плава пошло в брак.

Мастер Иван Адаевич Кабанец, собиравшийся на ленно, покаянно говорил и сказал ставлевару Николаю Орлу:

— Украшашь мне на прощание биографию. Мастер второй смены Алексей Шлак слушал Кабанца и думал: чем объяснить, что на тех же самых печах, которые обслуживает смена Мальцева, ставлевары остальных трех смен достигают куда лучших результатов? Алексей не хотел признаться себе, что во многом бедах повинен Игорь Мальцев. Он не стал душой смен. Алексей вспомнил разговор, случайно услышанный в раздевалке.

— А что Мальцев? Только в виду болба. Ожидашь, вот-вот взорвется. А не взрываетсЯ.

Алексей задумался. А что, если помочь смене Мальцева? И сразу же вспомнилось, как вчера выступал Орел и все время поглядывал в сторону Шлака, как бы говорил: «Алеша, переходи к нам, подсоби, друг, мы ведь когда-то вместе работали, и неплохо».

Алексей колебался. Больше всего смущала мысль о том, что ставлевар у Мальцева те самые, у которых он, Шлак, в свое время работал подручным. Попробуй прикажет так-то. Особенно его смущал Николай Орел. Шлак с ним ухитился в ремесленном училище. Они вместе пришли в цех и были друг с другом на короткой ноге. А работал Орел последнее время неважно...

В середине дня явился начальник цеха Родионов. Видно, часа трилетия переполюсился, Родионов решил отстранить Мальцева от руководства сменой.

А кого вместо него поставить? Меланжера вряд ли найдутся. Кому охота уходить из хорошего коллектива? И хлопот будет полно рот, и заработок станет меньше.

Потому Родионов приятно изумился, когда Шлак, переступая с ноги на ногу, нерешительно спросил его:

— Владимир Иванович, а если мне в третьей перейти? Как вы думаете, потяну?

— Как я думаю?— Родионов поднял глаза на секретаря партганизации Забору.— Твое мнение, Петр Фадеевич? Доверил!

Шлак сразу же постарелся. Родионов спрашивал не о том, по плечу ли Шлаку задумяное дело. Начальник говорил о доверии. Значит, он еще помнит прошлогодною историю, которую Алексею так хочется забыть.

— Надо крепко подумать...— ответил Заборка и посмотрел на Шлака испуганным взглядом. Как много можно проверить в одном взгляде!

де! Шлак догадался, почему Заборка не спешит с ответом. Память услужливо восстанавливала события, развернувшиеся год назад.

...С первых дней прихода на завод имени Ленина Алексею покзал себя старательным, трудолюбивым. О нем говорили: «работяга». Одно слово, а сколько в нем уважения! Фамилия Шлака упоминалась в числе лучших рабочих, в аннотировке появился его портрет, а как-то на собрании Алешу избрали в президиум. Его ставили в пример—и работает и учится.

Алексей успешно закончил индустриальный техникум и поступил на вечернее отделение металлургического института. Когда Шлак перешел на второй курс, его назначили мастером второй смены. В ту пору она отставала. А спустя пять месяцев завоевала первое место. Главное, обогнала третью смену, комсомольско-молодежную. Об Алексее стали говорить: «растушечка товарищ». А однажды Родионов назвал его по имени-отчеству—Алексей Васильевич.

И тут Шлака словно подменили. В тот день в его смене не все шло гладко. Он был взвинчен. А ему сделали замечание. Он разбился: подумавшись, уминки, других пусть учат, он сам учный.

Ему сказали, что не в лицу так реагировать на критику. Ах, вы читаете нотации! Подмечаете мои ошибки и ставите их мне в струю! Забудьте, что вынули смену! Хорошо!

Подумать только, сколько глупостей способен натворить человек сгоряча! Дернула же иелегка. Написал заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности. Вот так, товарищи. Не будет работать мастером Шлак. Поищите другого! Посмотрим, Владимир Иванович, что вы запелете...

А Родионов прочитал заявление и спросил: — Может, заберешь до завтра? Походишь, подышишь свежим воздухом и отсынешь?— Он испытательно смотрел на Алешу.

А тот вскинул:

— Ничего мне до завтра тянуть! Я все обдумал.

На другой день его вызвали на заседание партбюро. От предвзятости надобного у него засасало под ложечку. Начало не предвещало ничего хорошего. Родионов арстреля его отужденным взглядом. По выражению лица Заборки Алексей сразу почувствовал, что над ним ступились тучи.

Почему-то он был настроен воинственно, еще не допуская мысли, что Родионов удовлетворит его заявление. Где он возьмет другого такого мастера? А Родионов словно прочитал его мысли. У нас, говорил он, нет незаменимых людей. Мы воздаем Шлаку должное, ценим его за хорошую работу, но это не дает ему права на поблажки и зазнайство.

Алексей смотрел на начальника цеха помертвевшим глазами, но веря своим ушам. Что он говорит? Что говорит!

Каждое слово Родионова хлестало Шлака. А Заборка словно вода в рот набрал. До него же мучительным было это молчание Заборки! Лучше бы он отругал его.

Горько было слушать справедливые слова начальника цеха. Шлаку бы встать, сказать, что он не прав. А его как немота попутал. Не хватало духу признать ошибку, повел себя, будто ему море по колено. Заборка наконец взял слово.

— Да, конечно, тысячу раз был прав Заборка, утверждая, что Алексей переосишил себя и задвывает нос.

Все с возмнением ждали, что скажет Шлак. Осознал ли он свою ошибку?

Осознал! Но одно дело осознать, другое—найти в себе силы сказать об этом товарищам. Язык не повернулся произнести: «Виноват, простите, дайте возможность исправиться». Это было выше сил. А потом пришлое дорогой ценой расплачиваться за свое малодушие. Приказ по делу гласил: «Освободить, согласно поданному заявлению, А. В. Шлака от занимаемой должности». Вот и все!

Сколько ни он старался уговорить себя, что его решили принудить и завтра все станет не прежние место, ему не становилось легче. Трижды он перечитал приказ, строга за строкой. Пошел было из цеха, но вскоре возвратился. Какая-то сила вновь привела его к доске приказов. Что он надеялся! Было невозможно горько от сознания того, что все могло бы сложиться совершенно иначе. Ему только надо было найти в себе мужество признать свою неправоту.

Освободить! Что же теперь? На какую должность его назначат? Приказ на этот вопрос не отвечал. «Ну и хорошо. И не надо. Подумаешь! Мало ли в Днепропетровске других заводоуправляющих? Какая-то сила вновь привела его к доске приказов. Что он надеялся! Было невозможно горько от сознания того, что все могло бы сложиться совершенно иначе. Ему только надо было найти в себе мужество признать свою неправоту.

Освободить! Что же теперь? На какую должность его назначат? Приказ на этот вопрос не отвечал. «Ну и хорошо. И не надо. Подумаешь! Мало ли в Днепропетровске других заводоуправляющих? Какая-то сила вновь привела его к доске приказов. Что он надеялся! Было невозможно горько от сознания того, что все могло бы сложиться совершенно иначе. Ему только надо было найти в себе мужество признать свою неправоту.

Теперь он клял себя за то, что не сумел с собой справиться, сказать товарищам: да, виноват, погорячился.

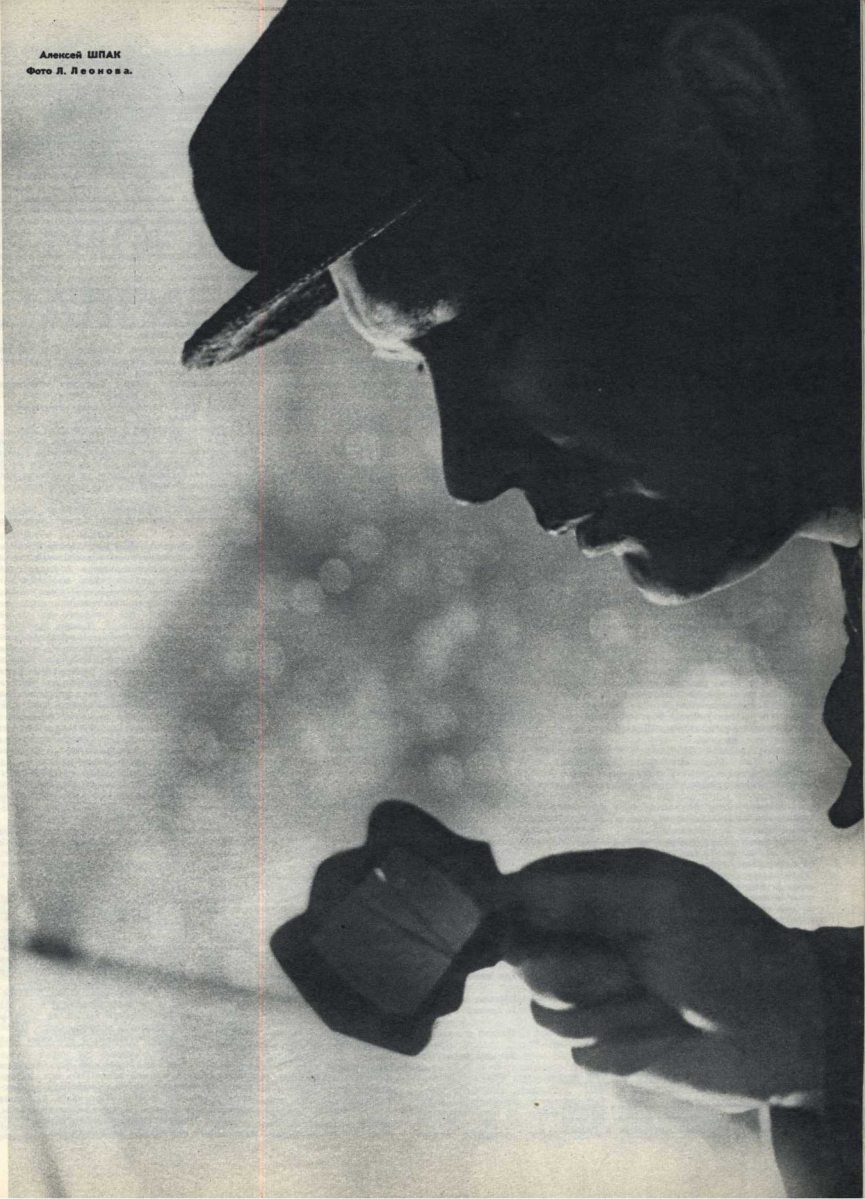
Это были минуты, когда человек смотрит самому себе в глаза, заглядывает в таинки души, в которые он никого не выпускает. Он проглядывает в себе что-то, что привело его к крушению.

Проснулся он на другой день рано-рано и долго стоял у окна, смотрел на людей, идущих работать. Как там в цехе ребята? Если бы кто знал, каково ему без них!

Шлак пошел на завод. Ему было давно известно, что у Родионова отходчивое сердце. Что же это получилось, Владимир Иванович!— Шлак постарался улыбнуться, но улыбка получилась жалкой.

— То, чего ты хотел, Алексей. Мы удовлетворили твою просьбу.

Алексей ШПАК
Фото Л. Леонова.

— Неорехо получилось,— горестно вздохнул Шлак.— Куда ж мне, теперь?

— А мы думали, ты приглядел где-то место.

С минутой он остопенело глядел на Родионова. Потом почувствовал себя невероятно несчастным, никому не нужным.

— Где ж я мог пригледеть место? Ведь сколько лет в нашем цехе!

— Да, это был его, Шлака, цех. Здесь он учился ходить, здесь он поднялся на ноги, стал весь рост, а теперь сползнул.

— Поработай ты нормально,— согласился Родионов.— Значит, собравшись остаться? На какое бы место ты хотел?

— А на какое можно?— потерянно спросил Алеша и замер в ожидании ответа. Глаза его молило, требовало, кричали.

— Куда ж тебя пошлют? Мастером! Сам отказался. Диспетчером разве? Вакантная должность есть. Хочешь диспетчером?

— Владимир Иванович!— Голос Шлака сохранился в глазах зашумевших.

— Что?— Владимир Иванович? Диспетчер— итеррасовая должность, работа не пыльная, оклад тысяча рублей.

— Сталеваром хожу.

— Сталеваром! С того, с чего начинал?— Родионов раздумчив собрался плавальным по нормальному стеклу.— Ладно, зайди к концу дня.

Как медленно тянулись время! О чем только не передавал Шлак за эти несколько часов невыносимого ожидания. И до чего же Алешей волновалась, когда переступил порог кабинета начальника цеха! Родионов сказал Шлаку, что подготовил приказ о его назначении на третью печь, на которой он работал.

— На исходную позицию. Ты здесь начинал. Тут тебе подниматься.

Домой Алешей шел, раздумывая о завтрашнем дне. Исходная позиция! Сумел ли он одолеть уже раз взятый рубеж? Второй раз труднее. Как его встретят?

Он проснулся от света на заре и, блудный от переживания, пошел на печь принимать смену у сталеваара Василия Каложного. Опустив глаза в землю, Алешей стал скороговоркой рассказывать о происшедшем.

— Не надо, Алеша, знаю,— сочувственно вздыхал Каложный.

— Тем лучше,— мрачно усмехнулся Шлак. Но как только он приступил к работе, еще невзгоды как-то сами собой отделились на второй плав. Пожалуй, только сейчас он почувствующий пошел в цехе, до чего же хороши люди вокруг него. Всем сердцем хотелось ему помочь. Никто из них не заговаривал о случившемся. Зачем ворошить? К чему лишний раз причинять человеку боль? Все влики так, будто ничего не произошло. Шлак благодарно поглядывал на них.

Мастер Анатолий Дмитриевич Аршинов, с которым Шлак еще позачера соревновался, а теперь попал к нему в подчинение, после завалил шикты громко, чтобы показать все, сказал:

— Алешек, хожу попорщить тебя показав сталевааром остальных печей, как ты вымриваешь время на завалке.

Шлак растроганно смотрел на Аршинова.

Под конец работа так увлекла Алешку, что он совершенно забыл о своем невзгод. Когда из выпускного отверстия хлынула в наш мощный поток расплавленной стали, он сморил на нее завороженими глазами. Это было для него одна из самых счастливых минут в жизни. Подожав начальник смены Семен Шовман, взглянул на часы и сказал:

— Годица!

Еще бы Плавка просидела в печи на два часа меньше, чем полагают, Свердловская! Алеша чувствовал себя на седьмом небе и готов был от счастья орать во все горло, на весь цех.

Несколько месяцев проработал Шлак сталевааром в первой смене. Однажды к нему подошел Родионов, спросил:

— Пойдешь мастером во вторую?

— Смена же отстает!

— Поэтому и время тебе туда поставить.

За короткое время вторая смена выравнилась.

И вот теперь, когда Шлак вызвался перейти в комсомольско-молодежную бригаду, он имел в виду стель у Мальцева мастером. А Родио-

нов и Завора решили по-другому. На доске объявлений появился приказ: Шлак назначен исполняющим обязанности начальника смены. И. о.! Алешей держит экзамен из зрелости. Выдержит ли? Ведь готовых рецептов, как преодолеть оставание, нет. «Лекстаров» надо самому изобретать. И не только для бригады. Для Нонны!

— Это правда, что ты перешел в отстающую?— спросила она. Без укора, но и без поощрения.

Алешей кивнул.

— Итого минус сколько?

— Завит баж, но подчинившись,— мягну улыбнулся Алеша.— Да и к чему, Нонна? Что нам, на жизнь не хватит, если пару месяцев двуметровыми сотнями будет меньше?

Жена подошла к нему, прилинула.

— Леша, разве ж я о деньгах? О нирах. Минус сколько басисных копеек, здоровья! Я ж ты свой характер знаю.— И целовала.

Почти каждый день она приезжала к производной заводу и с замиранием сердца поднимала глаза на доску почета, где висел портрет Алешки. Не смываясь, Шлак выполнял план, а портрет ее начальника висит.

В первый же день, приняв смену, Шлак задержался около Ора. Предстоял неприятный разговор. Что с тобой, Николай! Тебя будут подменили. В прошлом году получи орден. А где отдачи? К тебе не придершесь— даешь сто процентов плавки. А должен больше.

Можешь тон задавать.— Можешь! А хочешь ли? Ведь желание— это горючее для движика вперед.

Орел объяснил неурядицы плохой работой Мальцева.

— Не валя, Николай, на других. Это не помужик!

Шлак ушел на третью печь. Она работала хуже, чем остальные. А когда по графику наступило время выпускать плавку на первой печи, Шлак опять появился на ее рабочей площадке.

Плавка была еще не готова. Шлак подождал подручного Ора.— Дмитрия Трандифера.

— Придерни, Мита, стрелку часов, а ты Николай!

Ребята еле сдерживались, чтобы не расхохотаться. А Орел и глазам не повел. Он картинно выткнулся перед Шлаком:

— Разрешите доложить, товарищ начальник! Пробуксовочная продукция. Руководитель смены вовремя на обещанной подачу лома.

Когда плавку выпустили, Алешей подождал Ора. Тот подошел с важным видом.

— Что ж это получается?— спросил Алешей.— Не разбираи-поймешь. На шихтовом дворе лом есть, а ты говоришь, из-за него загнулась плавка. Давай виснем ясность.

— Давай!— с вызовом согласился Орел.

— Ты прежде валял на Мальцева, теперь на меня. Так мы с тобой общего языка не

найдем. Я думаю, тебе будет неприятно, чтобы я ходил у тебя в нинкал. Разве сам не можешь себе сделать из этой отвратительной сменой, под дочей моим! Ведь работа. А я рассчитывал, Николай, на твою помощь...

Разговор происходил не с глазу на глаз, а при подручных. Орлу стало совестно: ведь Алеша прав.

Когда Шлак ушел, Николай поскреб в затылке— нехорошо получилось.

— Ступа здесь Орел сварил плавку на полчаса раньше графика. На планеже Шлак его подождал. Но говорил Алешей не о первом успехе, а в принципе, оставании сменой. Было в дисциплине. Некоторые рабочие, пусть их и мало, не выполняют распоряжений. Это нинкуда не годится... Все помнят речь Никиты Сергеевича Хрущева в Разини! Коммунизм строится в трудовом уюте и его кабинет интеллигентом и рабочим— на заводе. Каждый советский человек на своем участке должен выполнять порученное ему и тем самым ускорить продвижение нашей страны к коммунизму.

— Ты же говорил, что его не построишь,— сказал на планеже Шлак.

Он говорил горячо, увлеченно. Его круглые глаза с большим открытым лбом раскраснелись, добрые глаза сверкали.

На шихтовом дворе Алешей пожаловались с переборами подают лом из цеха бесшумно, а в принципе, оставании сменой, отправился к мастеру этого цеха Лисенко.

Вскоре лом пошел в мартеновский цех.

Утром Шлак приказал старшему рабочему Дрону обеспечивать в первую очередь ломом третью третью печь, потому что они работали хуже остальных. Дрон не выполнил распоряжения. Почему? Орел проступок обиделся всей сменой.

— Еще раз ослушаешься, пеняй на себя!

с новым начальником шикты окказались

Робчик Дудич забыл посмотреть, правильно ли установлен створ в выпускном отверстии сталеваарного коша. А когда начался развалка, сталь стала протекать на землю. Шлак не растерялся и спас плавку.

После работы с Дудичем произошел инцидент. Шлак решил сделать санкции процентов коллективной премии и предупредить: не сделавшие выводов, покажем от ворот поворот.

Недавно в комсомольско-молодежной смене проходили практику студенты четвертого курса Днепропетровского металлургического института Станислав Лебедев, Георгий Назва и Георгий Шалапов. Они так и зсыпали Шлака вопросам. Он уже был не и. о., а начальник смены и соревновался со своим бывшим начальником Шовманом, у которого когда-то работал сталевааром. Студенты очень понравились Шлак— он так все понятно объясняет, всегда находит для них время.

— Практик. А предстватье, хорошо теорию знаешь,— как-то разоткровенничался Лебедев с Орлом.

— Не мудрено. Он все сокурник.

— Рассказывайте! Я ахнул своим знаком.

— Он авечерик.

От изумления Лебедев долго не мог прийти в себя. Студент проходит практику у студентов. Любопытной!

Перед экзаменами в институте Шлака полагали на операцию. Аппендикит. Как он сокрушался! На носу зачеты, а он заболел. И как без него пойдут дела в смене! Последнее два месяца его смена шла вперед остальных.

Киев Нонны, Орел навещал Орел, Козьмин, Коваленко. Они рассказали, что в цехе, из комсомольско-молодежной смена на первом месте. Среди сталевааров вперед Орел. Шлак слушал их с удовольствием, а мыслями был уже в институте.

Как только его выписали из больницы, он поехал сдавать свой экзамен. Пять его сокурсников поочередно вышли из кабинета профессора с унылым видом: «Прогнали!» А Алеша возвращался домой в хорошем настроении.

Сейчас Шлак— студент пятого курса.

— Почти инженер,— улыбаются он.

Евгений КАРАСЕВ

Новый день

На пивках высотных
звезда заграпла.
Мосты.
Автострады.
А дальше белеют
Где пенше моторов
кварталы, кварталы,
Шагают строители
И солнцу
с прилегающим шумом.
Подним в водобесье
я ветру задорному рады.
За мир голосует
ткляжелье стрелы,
продыменные крылы.

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ АЛЕКСАНДРА УЛЯНОВА

Сергей ЛЬВОВ

Рисунки Л. Хайлова.

...Тяжелая дубовая дверь, окантованная желтыми полосами. Когда ее закрывают, раздается звук, похожий на глухой выстрел. Узкая щель приоткрыто снаружи глыбка. Стены, выкрашенные грязно-серой краской, переходят в своды, образующие потолок. Когда гадятся на него, кажется, что этот сводчатый потолок вот-вот опустится на голову.

Пахнущее оком перевернуто железные клетчатые решетки. За решеткой — ржавый козырек. Он приделан так, что смотреть можно только вверх и видеть только скупо отрезанный ломтик неба.

В этой камере старший брат Ленина, Александр Ульянов, пролежал последние дни своей короткой и героической жизни. В этой камере с ним была книга, которую захотел он прочитать, когда ему был вынесен смертный приговор. Это была стихи Генрика Гейне.

На свидании с матерью он попросил ее принести эту книгу. На эти строки я случайно наткнулся в революционных мемуарах: последняя книга, которую хотел прочитать Александр Ульянов, последняя книга, которую читал Александр Ульянов, была стихи Гейне.

Все, что я читал раньше о Гейне, было не сильнее, чем одна эта фраза. Я не знаю в истории литературы другой оценки поэта, которая так глубоко потрясла бы воображение.

И вот уже воображению дан толчок: известна книга, о которой мы знаем, известен человек, и хочется представить себе, как он ее читал, что искал в ней, что в ней нашел.

Никогда желание вообразить себе эту встречу читателя и книги не было таким сильным, как тогда, когда я натолкнулся на свидетельства тех, кто писал о последних днях жизни Александра Ульянова.

Так возникло желание представить себе, как Александр Ульянов читает Гейне. Но прежде всего — желание представить его еще самого.

Родился в 1866 году. Превосходно

знал язык книги историко-литературных рассказов С. Львова «Огонь Прометея», который выходит в издательстве «Молодая гвардия».

но учился в школе, был признанным авторитетом среди товарищей, сестер и братьев. Студентом был удостоен золотой медали Петербургского университета с надписью «Достоинейшему». Был избран секретарем Научно-литературного студенческого общества. Отказался от должности, почетной для молодого ученого, чтобы целиком посвятить себя революционной деятельности. Став одним из организаторов террористической группы «Народная воля». Написал программу этой группы, которая свидетельствовала о значительном приближении к марксизму.

1 марта 1887 года был арестован вместе с другими участниками покушения на Александра III. На суде держался героически. Чтобы иметь возможность самому произнести речь, отказался от защиты. Эту речь в письмах и листовках разлетелась по всей России, вызывая восхищение революционно настроенной молодежью. Царский суд приговорил Александра Ульянова и его товарищей к казни. В мае 1887 года они были повешены на дворе Шанселевбургской крепости.

Казнь старшего брата послала Владимира Ильича и была одной из причин его решения стать революционером. Радуямица над судьбой и взглядами брата, он решил идти другим путем...

Вот и все, что и знал о его жизни. Но Гейне, но почему же Гейне?

Хочешь представить себе Александра Ульянова живым. Вглядываться в портреты. Их немного. Вот первый: маленький мальчик с вычурными долами, в рубашке подпоясанной кушаком. И вот последний. Он сдвинут охранный в день ареста: худенький юноша, из-под арестного лба смотрит умные, спокойные, сосредоточенные глаза.

Матовой белыми яндр, немного ширококостное, всегда спокойное и серьезное, шапка черная, слегка выходящая волос на голове... Это пишет один из его знакомых, участник студенческого кружка.

В других воспоминаниях друзей Александра Ульянова: серьезное сложившееся и юнцкаясь уловность, сильные, обостренные руки и пронизательные глаза.

Облик привлекательный, мужественный, заманчивоющийся...

Выписываясь название книг, которые особенно любил читать Александр Ульянов. Маленьким он по собственному выбору выучил наизусть рымеевского «Ивана Сулавина». Там есть строки: «Ни горы, ни моря и я не боюсь». Они стали для него пророческими. Когда Саша подросток, он полюбил «Размышления о парадном подвезде» Некрасова. Подростком начал зачитываться историческими сочинениями. А дальше в книжных пристрастиях неощадность, впрочем, понятная, если учесть, что читателем было тогда тринадцатилетнее. Из героев «Войны и мира» больше всего «то горюх Дромоков — верно, поправился смелостью и целостностью характера. В последних классах гимназии — «Занялся из мертвого дома» Достоевского, вернее сказание «Русские женщины» огромный интерес к декабристам...

Но более сильное представлял себе obra Александра Ульянова по двум документам.

Гимназиям велено было написать сочинение «Что требуется от общества и государства». Сформулирована тема была неудачно: в ней «что» называлось «чтобы», — не выбрана без хитрости. Хитрость заключалась в словечке «и». Было известно, что в старших классах тайком почитывают Дюролова и Писарева. А те в своих статьях, где прямо, где и обиньяком, внушают молодцам мысли: государство — это царь и власть, общество — это народ и то, что полезно одному, то совсем не полезно другому.

Конечно, откровенность от гимназистов ждать не приходилось. А вот пацку тетрадь иметь, чтобы показать можно было, что вверенная гимназиям волюнтаризмом не заражена, было бы полезно. Как пишется такое сочинение, известно! Украшать его историческими примерами по Иловайскому, изречение истины, заученное на уроках латыни, вроде «при всеобщем согласии и междо разстят» — и повести к восхвалению о служении простому как высшей ступени служения отечеству. Или текст: вспомнить, этоловый законотворения на уроках закона божьего: «Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом

мирна, скромна, послушана, полна милосердия и доброты, бесстрашна в отношении к возмездиям». И немалое своих рассуждений, чтобы чувствовался в сочинении трепетание молодой души, но в разумных границах, и коние, но балансирующие торжия.

Перед директором гимназии лежит сочинение примерного ученика. Почерк ровный, четкий, сложившийся. Жаль, коротковато: три странички. Но посмотрим, однако, что то этих страничек. Выячем что-то вроде короткого плана. Затем идет «развитие темы». Директор морщится. Без объяснений и оговорок гимназист отсек поволну тему: «Чтобы быть полезным обществу», — пишет он, — человек должен быть честен и приучен к истинному труду». О том, что лозу отрасль труда он выберет для государства, ни слова.

А как понимает молодой автор «правильный» взгляд на обязанность человека?

«Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим людям должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя, и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды».

«Общество и я — это я!» Это, конечно, лишь выходящее изменение слов «быть полезным обществу», которые заданы в теме, но на каденере — 1882 год, и выражение «общественная польза» звучит почти красноречиво. Начинается рассуждение о трудолюбии. Никакого красноречия. Все энергично, сухохато, словно это и не сочинение, а доказательство заданья. Но в каждой строке: «трудолюбивый человек», «свободный и независимый труд», «необходимость потребности». Не от гимназической урочки весь этот лексикон! Напоминет он что-то совсем другое. Уж не писаревская ли «Оберки из истории труда»?

И под конец: «человек должен настолько приучиться к истинному труду, чтобы не останавливаться ни перед теми, которые представляют ему внешние обстоятельства, ни перед теми, которые

представляют ему собственные недостатки и слабости». Нет, этим сочинением похвалится перед начальством не придется. Слишком хорошо известно, что именно в журналах определенного толка именуется «а в одних и тех обстоятельствах», перед которыми не должен останавливаться человек, и слишком ясно, что имеет в виду юноша, когда говорит о предостерегах, каждающихся непреодолимыми. В сочинении ничего предосудительного не сказано, но в самих умолчаниях, в упорном повторении слова «полая обрешетка», общероссийская «полая», «член общества» все сказалоось само.

Директор ставит в журнал против фамилии гимназиста четверку. Гимназиста зовут Александр Ульянов.

Это сочинение — один из немногих документов, сохранившихся как свидетельство о их характере.

А вот и другое.

«Она заметила, что Александр увлечен ею серьезно. Одиждки они вместе гуляют по саду, и он, обычно молчаливый, вдруг неутомимо начал декламировать стихи. Это было несколько лет назад. Теперь он уже не застенчивый мальчик. Ему минуло двадцать. Он студент Петербургского университета. Как и следует поклоннику Писарева, эстетистин; с вдохновенным порхит черной, собирается писать о них учениче сочинение.

...А в их отношениях что-то непрерывно изменялось. Когда они встретились осенью перед его возвращением в Петербург, Александр ничего не сказал, но она сама почувствовала: что-то не так. Она не ставит его спрашивать, как спрашивают у молодых людей знакомые барышни: «Ну, скажи, что вы думаете обо мне? Она поступит иначе: попросит, чтобы

он в письме прислал ей характеристику — какой-то хорошо известной ему личности. Письмо это будет называться: «Характеристика NN». — Хорошо, — обещает Александр Ульянов кузине Марусе, которой давно увлечен. — Я пришлю вам характеристику NN.

Продает месяц. И вот после долгого молчания письмо. Оно становится на первой странице: «Дорогая Маруси!», — торжественно пролетает объяснение, почему долго не писал. И вот оно, самое главное, — «Характеристика NN». Итак, прежде всего о способностях. Тут он очень щедр: он пишет о сильном уме NN, о критическом складе этого ума, о самостоятельности и оригинальности, о незаурядной твердости характера... Но эти похвалы не могут перевести того, в чем автор письма видит — недостатки NN, недостатки кузины Маруси, девушки, которой он увлечен.

«Трудно понять», — пишет он своим быстрым твердым почерком, — как в личности этого человека и с критическими задатками — хватает потребность выработать себе определенные убеждения и не только личные, но и общественные».

Следующие странички: «Оценивая человека, я держусь всегда такой меры: насколько он выработал в себе определенные общественные идеалы... насколько основательны и прогрессивны его убеждения и насколько энергично и самоотверженно он идет к их осуществлению. Таким образом, недостаток сознательности выражается прежде всего в изысканной индивидуальности; человек забывает об окружающей его массе, о своем доле перед ней; жавясь своей частью, семейной или даже личной жизнью, он не замечает ее страдания или как-то связывает с ними; он прилагает друг друга, словами, к понятию эгоизма... человек не принимает активного участия в улаживании участи других... Если такой человек и живет сколько-нибудь активной общественной жизнью, то направлением и результатами этой работы носят опять-таки чисто личный характер... Таковы главные проблемы в умственно-нравственной личности NN».

Вот какое письмо девушке написала Александр Ульянов на пороге событий, которые должны были перевернуть всю его жизнь.

На истоках этого письма, написанного юношей неподалеку двадцати одного года, запечатлен нравственный кодекс молодого русского революционера: общественные идеалы, как высший критерий оценки человека; решительное отрицание индивидуализма; ясное представление о том, как ограничено «самоусовершенствованию» жеманство, пронизывающая формулу нравственности по существу своему есть понятие общественное...

И последней книгой, которую захотел прочитать этот юноша, последней книгой, которую он читал, был Гейне! В камере смертника читал он Гейне.

Воспоминания не сохранили свидетельства о том, какая именно книга была у него. Известно только, что это была том стихов поэта, изданный в немецком языке и купленный в книжном магазине на Невском...

Известно еще одно обстоятельство: том Гейне привнес и передал ему товарищ прокурора, который присутствовал при свидании Алек-

сандра с матерью и был так потрясен его просьбой, что, рискуя карьерой, решил лично ее исполнить.

Мысленно я перелистываю странички книги Гейне. О каких стихах подумал Александр Ульянов, когда попросил принести эту книгу? Это было восторженное чтение молодого поэта, юношеская мечта о еще не сбывшейся любви? А может быть, иронические строки «Интермеццо»? Или легенда о Гансбрюкере дерраке пересмеиваемая поэтом?

Звучат в уме знакомые строки. Спрашиваешь себя: это? Вот это? Вот это?

И вдруг ритм стиха и бинение мыслей, в нем выраженной, заставляет подумать: вот, наверное, строки, которые вспоминал Александр Ульянов, в детские годы зачитывавшийся Рыцарем и подругам своим, и чтение об общественной пользе.

Людей барабанами от сна буди
Зорко барабанами и весте руи
Мершем вперед барабана, нид.
Вот тебе смел всег наум!

А может, пыльный расчет с
проевдолю смиренного терпения,
который звучит в «Германии Зимней сказке»?

То старая песня отреченная была,
Легенда о радостях неба.
Который баюкал гулкий народ,
Чтоб не пропал он хлеба.

Я знаю мелодию, знаю слова:
Я автором знаю отличю:
Они тайком танцуй вино,
Проповедаю гудя публично.

Мы новую песню, мы лучшею
Теперь, друзья, начинаем:
Мы воевать не будем превратим;
Земля нам будет рай!

Когорта революционеров, к которой принадлежал Александр Ульянов, требовала от каждого своего бойца готовности на высочайшее самоотречение ради того, чтобы создать тем, кто трудится, такую жизнь на земле, что пережить будет мечта о Забугорном рае. Они ошибались в выборе пути, считая террор основным средством борьбы с самодержавием. История объясняет истоки и суть их заблуждений. Но реальность характера и нравственная сила лучших из них продолжают воспитывать потомков. И как же по-иному звучат для нас теперь строки Гейне, когда мы представляем себе, как мог их читать и что же находил в них Александр Ульянов!

И вдруг вспоминаешь еще несколько строк. Они сжигают и пронизывают сердце, заставляешь себе, что они могли означать для него, когда он перечитывал их в последние дни своей жизни, истекая кровью в бою за свободу.

Свободен пост! Мое слабей тело,
Один уша — другой сметен бойца...

Гейне написал эти стихи в годы тяжелой болезни, написал, оглаживаясь на прожитую жизнь и думая над тем, что останется. У меня эти строки всегда будут вызывать теперь рядом с образом Гейне, старого и смертельно больного, другой образ. Копна воевал безданным, грустным и слабым лицом юноша, умные, все помнящие и бесстрашные глаза... Это Александр Ульянов.

ВЕЧЕРАМИ НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ ЛЮБИТ ПОСИДЕТЬ У ТЕЛЕВИЗОРА. ПРАВДА, ДЕДУШКИ НЕ ВСЕГДА ПРЯВИТСЯ ТО, ЧЕМ ВОСХИЩАЕТСЯ ВНЕУКА НАТАША.

... ПЛЮС ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

РАССКАЗ О ЖИЗНИ РАБОЧЕЙ СЕМЬИ

Фотом. Муразова.

Все было в этой большой рабочей семье — и радость и боль. Но вот сидят сейчас рядом муж и жена, вместе которых около ста пятидесяти лет, и на лицах их — улыбка. Трудно, очень трудно достичь счастья этим простым людям.

Год за годом, десятилетие за десятилетием уходили вместе на работу Николай Кузьмин и Ольга Ермолаевна. Была до замужества у Ольги Ермолаевны фамилия Примерова. Однажды, когда она, как обычно, пришла в гости к учительнице Кедровой, что жила в доме напротив, с ней разговорился незнакомый человек.

— А чем, скажете, отец ваш примерный? — спросил он девушку. — Бедностью? Ну, так этим в нашей России никого не удивишь. Вот когда вы, товарищ Оля, сами станете хозяйкой своей судьбы, — дело пойдет по-другому.

Несколько лет спустя узнала Примерова, что человек этот был Ленин.

В ту пору, когда она только встретила своего мужа, фамилия его — Бедкин — как нельзя больше соответствовала его положению. Может быть, потому и была она такой, что бедность, беда черной рекой заливали его отцовский дом. Сколько ни гулял мимо старый Кузьма Сергеевич, ницета и болезни одну за другой обрывали детские жизни. Из семерых наследников Бедкина остался в живых один Николай.

Теперь Николай Кузьмин шутит: — Зря Ольга сменила свою фамилию. Дело-то у нас пошло совсем по-другому. Прав был Ильич. Подумайте, какие же мы Беднины, едемти во всем теперь примерными стали! Надо бы для справедливости имя ее фамилию принять.

Тогда была бы полная точность. По-рабочему скуп на слова Николай Кузьмин. Но не погордится все-таки не может.

— Семья у нас с Ольгой стала болящая, — рассказывает он. — Три сына и две дочери. Сыновья поженились, дочки замуж поехали. Теперь вместе с внуками нас девятнадцать. Живем дружно. Не пришлось только Коле нашему радоваться хорошей жизни: погиб он на фронте.

Ольга Ермолаевна молча слушает, о чем говорит муж. Потом добавляет:

— Мы все с завода имени Калинина. Знаете наши швейные машинки? А когда мы повстречались с Колей, принадлежал этот завод американской компании Зингер. Николай тогда слесарем был, а — чернорабочий. Если вместе считать, проработали мы тут почти целых сто лет. Я потом станочницей стала, а Николай все слесарем.

Трудился на этом заводе и все наши дети. Старший сын, Виктор, слесарем был. Теперь он физик, директор школы. Работали на заводе дочери — Антонина и Вера. Обе они амуницили и стали техниками. Их сменили у станка

внучки — дочери Антонины — Галля и Люда. Галля уже окончила индустриальную техникум и поступила в политехнический институт, Людмила окончила вечерний машиностроительный техникум и работает теперь на заводе.

Есть у Антонины и сын Саша. Он еще школьник. Говорит, что автомехаником станет, как отец его, который тоже на нашем заводе работал. Другой сын, Павел, слесарь-маладик челичного цеха. Жена его Вера работает в лаборатории.

— Так что без Бедниных завод не остался, — подвел итог Николай Кузьмин.

— На пенсию вышли, а с заводом не попрощались, — заметила Ольга Ермолаевна. — Выдали нам навечно пропуска. На заводе и сейчас бываем.

— И нас не забывают, — добавил Николай Кузьмин. — На праздники присылают билеты, приносят подарки. А каждым летом дают путевки за счет завода в дом отдыха.

Подумав, он добавил:

— Мы не особенные какие-нибудь — всея рабочими одинаковая честь. Наша Советская власть делает все, как полагается.

Я давно знаю эту семью. И ясно представляю себе картины радостных хлопот, что им приносит каждое лето в семью. То и дело здесь пакует чемоданы. Не успеет вернуться с юга один, как уже на курорт, в санаторий, дом отдыха собирается другой. Внучка Наташа выезжает вместе с детским садом на дачу. Внучки-пионеры — в лагерь. Внучки-комсомольцы отправляются в туристские походы, в студенческие дома отдыха.

Сутятся старые Беднины, прожывая сыновей, дочерей, невесток, зятьев и внуков на отдых. Ольга Ермолаевна обязательно печет пироги, Николай Кузьмин раздувает самосар-пигмент, что-нибудь ладит, мастерит в дорогу. Зато, когда приходит их черед уезжать, хлопот и забот всех младших не описать. А Николай Кузьмин подстегивает всех любимой шуткой:

— Ну, ну, Беднины, будьте Примеровы!

Вот в такой час, когда однажды собралась в дорогу Ольга Ермолаевна, она, по старинке присев перед отъездом, вспомнила свою далекую молодость. Ни платья сносного, ни башмаков тогда у нее не было. Работала в день по де-

сая — двенадцать часов. И никто не заботился на только об ее отдыхе, но и об условиях, в которых ей приходилось трудиться. А теперь вот, хотя свое она уже отработала, никто о ней не забывает.

— Нашему государству спасибо, — сказала как-то она. — Разве могла бы я в дом отдыха ехать, если бы не было Советской власти!

— Если бы, если бы... — оборвал ее Николай Кузьмин. — Если бы не

было Советской власти, не была бы ты хозяйкой, дети наши не были бы с образованием и внуки не учились в школах и институтах! Где бы мы деньги на все это взяли!

Об этом разговоре рассказал мне старший сын Вединых — Виктор Николаевич. У него трое детей: Людмила, студентка педагогического института, Светлана, недавно окончившая индустриальный техникум, и сын Олег, который учится в десятом классе.

— Понимаете, — делился со мной Виктор Николаевич, — как-то в школе с учениками старших классов завязалась у нас беседа о том, что дала Советская власть трудовому человеку. Подумал я и решил показать это на примере нашей семьи. Очень любопытная получилась картина.

За годы работы на заводе, когда хозяйничали на нем американцы, отец и мать не сумели приобрести ни одной приличной вещи. В советское время, хотя и бывали порой материальные трудности, имущество наше стало обновляться. Ведь теперь благополучие семьи определяется не одним лишь заработком.

Слова Илчица Ольга Ермолаевна Вединая запомнила на всю жизнь.

Теперь, когда мы говорим об уровне жизни, мы имеем в виду не только питание, одежду, жилье. Сюда входят образование, медицинская помощь, общие условия физического и духовного развития человека, возможность трудиться, интересно и разнообразно отдыхать, развивать свои природные способности.

Понятно, семейный бюджет определяется денежными доходами, уровнем цен на товары первой необходимости и продукты питания. Но ведь у нас, как и в каждой советской семье, были и есть немалые доходы, которые мы получаем за счет государства. Я подчитал, конечно, ориентировочно, что только на мое учение и на мой отдых во время учебы затрачено государством приблизительно четверть миллиона рублей.

Смотрите сами, в среднем на обучение и обслуживание одного школьника от первого до десятого класса государству расходует 30 тысяч рублей. Год обучения в институте обходится около 20 тысяч рублей. Я принимаю в расчет стипендию, студенческие отпуски, оплату труда преподавателей и профессором, расходы на содержание учебных помещений и общежитий, на оборудование лабораторий, учебных кабинетов, библиотек и прочее.

Я проучился в институте 5 лет, следовательно, за этот срок на меня было затрачено 100 тысяч рублей. Но ведь, кроме того, я посещал различные кружки, общепедагогические лекции, бывал на

← Николай Кузьмин не остановит любую непогоду. Последнее грибо, да чтобы не собрал!

Второе и третье поколение Вединых Виктор Николаевич с сыном Олегом и дочерью Людмилой →

экскурсиях и за это тоже ничего не платил. Пользовался я, наконец, бесплатным медицинским обслуживанием, льготными путевками и льготным проездом на отдых и лечение. А ведь если бы мне пришлось за все это платить, потребовалось бы, наверное, еще 100 тысяч рублей. Вот и получается, что один я обошелся государству около четверти миллиона. Только за годы учения! Где бы могли взять отец и мать такие деньги!

Но ведь я не единственный. Учился мой брат, училась и сестры. Они также пользовались всем тем, чем и я. Значит, и той четверти миллиона рублей, что были затрачены на меня, надо прибавить еще много сотен тысяч рублей. Сестры мои получили среднее техническое образование, братя — среднее. А теперь ко всему этому приплюсуйте расходы на учение третьего поколения нашей семьи. Так что дополнительно к своему заработку наша большая семья получила от государства миллионы рублей.

Я рассказал об этом своим ученикам, — продолжал Виктор Николаевич, — и знаешь, что получили! Каждый из них решил подчитать свои собственные «скрытые» доходы. Когда мы все суммы сложили, результат оказался поразительным. Это были десятки миллионов рублей!

— А я думал, — признался мне один из учеников, — что все это так просто. Но вот смотрите, пока я учусь, и условия меняются. Она все в зелени, появились новые дома, открылась новая библиотека. Это тоже ведь определяет уровень нашей жизни...

Мне крепко запомнился этот рассказ Виктора Николаевича. А как сейчас живет семья Вединых, заинтересовался я. Чуть них нового за минувший год! В стране произошли и происходят большие перемены. Как отразились они на этой семье?

И вот я снова в Подольске. Николай Кузьмин и Ольга Ермолаева такне жале бодрее. Не сидится старому слесарю на месте. Невысокого роста, поджарый, он быстр в движениях, и, глядя на него, диву даешься — ведь ему уже за семьдесят!

Словно угадывая мою мысль, он говорит, улыбаясь:

— Работать косточка крепкая. Ничего, еще бегать, не скриним. Ольга Ермолаева нежно поправляет на нем ворот белой рубашки.

— Нет бы дома сидел — журит она мужа. И, обращаясь ко мне, сообщает с улыбкой: — Специальность у него новая. Грибником стал.

Опять часы надел! И зачем тебе в лес-то! — вдруг сурово спрашивает она мужа. И, смеясь, рассказывает, что эти часы подарил ему дочь Вера в день, когда Николаю Кузьмину исполнилось семьдесят лет.

— И у Антонины тоже обновила ивется, — уже серьезно рассказывает она. — Недавно купила пианино, — слышишь, музыка учиться. Играл они и раньше, но инструмента не было. А теперь купили.

— А не трудно ли будет Антонине Николаевне учить детей музыке. Ну, придется за двоих доплачивать рублей тридцать в месяц. Сущий пустяк. Теперь у нас все девять внуков музыки учатся.

А мой Коля, когда был молодым, все о гармошке мечтал...

— А что еще у вас нового? — интересуется я.

— Да вот взяли мы с Николаем Кузьминым опять в дом отдыха. Две недели были там. Заверок дачу, путевки бесплатные. А стоят они вообще-то 960 рублей.

— В нынешний год, — вmeshался Николай Кузьмин, — стали мы жить еще лучше. У Павла заработок прибавился. Сделал он рационализаторское предложение, получил премию. Зарабатывает он сейчас

1 100—1 200 рублей в месяц. Раньше больше тысячи у него не выходило. Считайте прибавление к зарплате и то, что работает он теперь только семь часов в день. Прибавилось у него свободного времени, и теперь он еще больше внимания уделяет рационализации. Изобретатель он, головастый. А это тоже статья нашего дохода.

— Сколько же всего теперь получает ваша семья?

— Если считать на весь семейный круг,— задулся Николай Кузьмин,— то выйдет тысяч 15 в месяц. В прошлом году было 12 тысяч рублей. Отчего же прибавилось? У Павла, значит, зарплата увеличилась. У внучек повзрослели стипендии за успеваемость. Еще и от отмены налога ков-то прибавилось. Вера, жена Павла, от уплаты налогов освобождена, так что вся ее зарплата полностью в общий котел поступает. Вот и собралась три тысячи.

Отчего и обзавел много у нас появилось за этот год,— пояснила Ольга Ермоленко.— Про пианино у же говорила. А еще Антонина купила стиральную машину и сервант. То же самое дочка Вера, А Павел и Виктор купили каждый по шифоньеру.

— В кредит ков-то взяли,— напомнил Николай Кузьмин.— Хорошо это дело.

— Стали мы еще лучше питаться,— продолжила Ольга Ермоленко.— Вот есть такая табличка у нас, Виктор составил. В ней все видно.

Ольга Ермоленко достала тетрадный листок и протянула его мне.

РАСХОДЫ:

1959 год	1960 год
На продукты питания и на питание детей	4 200 руб.
3 600 руб.	
На приобретение одежды	2 100 руб.
1 700 руб.	
На приобретение мебели и хозяйственных вещей	2 800 руб.
300 руб.	
Оплата жилья и коммунальных услуг	450 руб.
270 руб.	
Расходы на кино, театры	270 руб.
100 руб.	
Расходы на книги, учебники и бумаги	130 руб.
70 руб.	
Прочие расходы	170 руб.
3 000 руб.	
	4 000 руб.

— Это в среднем за месяц,— объяснила она.— Раньше мы тысячу учли не ввели. Виктор подсчитал только по самым крупным тратам, да и то, как он сказал, «на глазок». Разве жь упоминать, что купили да на сколько? Хозяйство большое, народу много. Это точно считать, надо целую бухгалтерию открыть!

— Понятно,— сказал я.— Но почему у вас стало уходить больше денег на продукты питания? Цельно не повысились, а наоборот, на многие продукты снизились!

— Так ведь теперь мы больше покупаем всего,— ответила Ольга Ермоленко.— Особенно фруктов, кондитерских изделий, чаще всего пирожков. Барок и вареники по больше, чем в прошлом году. Вот и небезжал ты лишние деньги. Все идет к лучшему!

— А будет еще лучше,— уверенно сказал Николай Кузьмин.— В будущем году еще два человека нашей семьи будут освобождены от налогов. Да и вообще все хорошо у нас. Жить бы да жить теперь. Вот внучкам завидую... — Ну, раски,— рассердилась Ольга Ермоленко.— Сто лет еще проживем. Идм уже, иди в лес— весело подмигнула она,— Гробы тебя дождутся...

Я пробыл в гостях у Бедкиных до позднего вечера. Вернулся с работы в Барок со своей женой. Рассказал, что дочь его, студентка, вернулась из пионерского лагеря «Кежучики» от завода имени Калнина, где она работала воспитательницей.

Она и Антонина Николаевна с мужем Серафимом Николаевичем. Стало шумно, кто-то включил телевизор, женщины залюбовались на кухне, ребята загоманились.

И вдруг представил я себе босоную девочку Юлю, забегавшую к учительнице Кедровой книжку почитать, скажу послушать. Припомнил пророческие слова, сказанные ей Владимиром Ильичем. Пусть не знала тогда Ольга Ермоленко, что тот незнакомый человек был Ленин. Но Ленин знал, Ленин видел будущее простой русской работницы, верил в него и сделал так, чтобы это будущее стало радостным и счастливым.

Ничего исключительного нет в этой семье, о которой мы рассказали, и ничем исключительным она не пользуется. Лишь тем, что предоставлена для простого человека Советская власть.

Сами подсудите: как жили до революции семьи Прямых и Бедкиных? В них тогда было 12 человек, и как ни старались отцы и матери, не могли они прокормить детей. А теперь в семье Бедкиных 19 человек, и все они по-настоящему счастливы, все здоровы, трудятся с радостью. И отдавая свой труд на общее дело, они горди не тем, что прибавляется добра в их зарплатах, а тем, что богаче день ото дня становится Советская Родина, уверенной поступью шагающая к коммунизму.

Она и рассказывала об одном ученике, который подматки, что пока он учится, пробравается и его улица,— сказал мне Виктор Николаевич.— Он прав. Это тоже определяет уровень нашей жизни. Но есть еще одно отличительное свойство уровня жизни советских людей. Это ко всему еще — хорошее настроение. Вот и приплюсуйте его, пожалуйста, к нашему семейному бюджету.

Ничего не скажете, надо приплюсовать!

Р. КАРПЕЛЬ

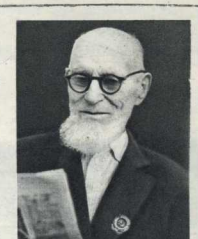
ИМЕНИ РАБОЧЕГО

Правда Тихона Григорьевича Третьякова бурчали на Волге, где плавал матросом на первом волжском пароходе «Астрахань», отец работал на судах, принадлежавших волжским купцам. Сам Тихон мальчишкой поступил на Сормовский завод, работал учеником, масленщиком. Заработка не хватало, он вынужден был после смены ходить на «Сибиряку» — торговую пристань — и допоздна таскать на спине пятипудовые мешки с мукой и рисом.

После Октябрьской революции между семьями Третьяковых плавно, по-инициативе Тихона Григорьевича начал работать мастером в прокатном цехе. Он хорошо изучил станки, двигатели, имел несомненно ценные рационализаторские предложения. У мастера были золотые руки, он выполнял самые сложные задания. За успехи в труде Тихона Григорьевича Третьякова наградили орденом Трудового Красного Знамени. В то время мастеру было уже за шестьдесят, но он продолжал работать и обучать молодежь.

Учился он и сам: побывал на крупных металлургических заводах страны — Кузнецком, Днепропетровском, Днепрозаваринском, познакомился с работой предприятий Сталинграда и Москвы. Заревья у Тихона Григорьевича было отличное, но с годами заметно ухудшилось зрение. И наступил день, когда старого рабочего товарища темп проведения инспекции. Объявляя впервые в жизни Тихону Григорьевичу пришлось лечь в больницу, разболелась голова. Врачи решили сделать операцию.

Вся апрель, на Волге началась ледоход. Тысячи людей выходили в весенние дни полюбоваться рекой. В эти дни наступает горная пора у судостроителей. Построенная за зиму суда одно за другим скатывают на воду. И нашего человека тынет и затону и верфи — по-

ТИХОН ГРИГОРЬЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ

смотреть на плоды своего труда... И вот раз утром к Тихону Григорьевичу пришел директор завода и предложил прокатиться и Волге.

— Я с врачом договорился,— сказал он,— на пару часов разрешат.

Третьяков сбросил больничный халат.

На верфи было людно и шумно. Директор обнял Третьякова за плечи и позвал на большую самоходную баржу.

— Провисел! — спросил он старого рабочего.

— Хорошее судно,— ответил Тихон Григорьевич.

— А больше ничего не осталось?

— Очень хорошее судно,— и пошарил Третьяков.

А ты присмотришься...

И вдруг Тихон Григорьевич увидел на борту самохода надпись: «Тихон Третьяков». Он даже удивился: какой еще такой Тихон объявился?

— Ты, старина, и есть тот самый Тихон! — сказал директор. — Там наши рабочие на собрании решили. Назовем, говорят, новую самоходку именем старейшего рабочего-сормовца.

Потом был митинг. Выступали, кричали «ура!». Так, под «ура», и вступила в строй «Тихон Третьяков».

Ревнул он мотором, прогудел три раза и двинул по Волге...

...У Тихона Григорьевича отличный сад: яблоня, вишня, груша, абрикосы, малина. Он старательно ухаживает за ним, опашивает деревья, бегит стволы.

Высоко в небе плывет облака, с Волги доносится протяжные гудки теплоходов.

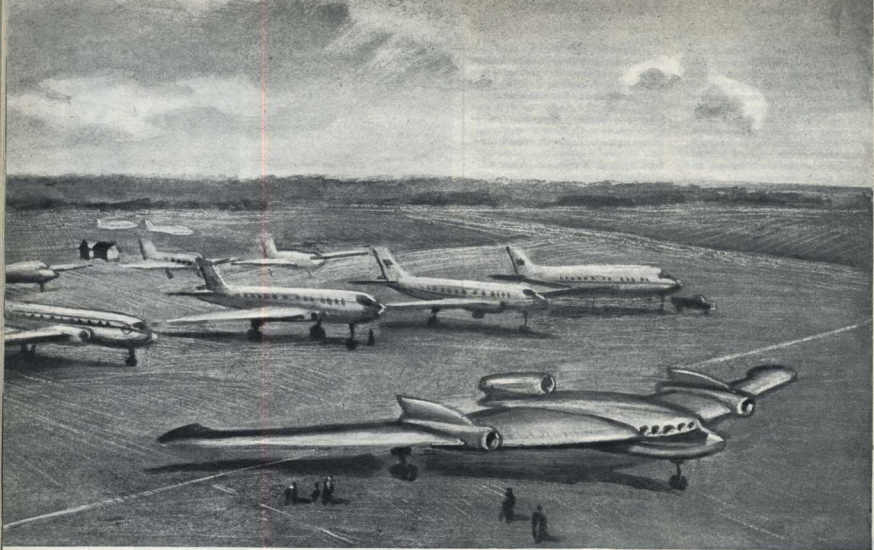
Третьяков рассказывает:

— Смышлет! Это тема гудит. Груз поевз. Работают он у меня. Молодчина!

В. КУЗЬМИН

Рисунок В. Зарубина.

В то время, когда готовился к печати этот номер «Смени», была получена радиграмма от нашего специального корреспондента Бор. СЕМЕНОВА. Вот что он сообщает.

Борт «ЛК-Юность»

Прошло десять минут, как тридцатитонная громада «ЛК» поднялась в воздух.

Этим полетом заканчивается серия испытаний «ЛК». Таким образом, подводится итог решению одной из кардинальных проблем транспорта ближайшего будущего.

На борт «ЛК» сегодня приглашены только авиационные специалисты: конструкторы и инженеры. Ваш корреспондент — единственное исключение из этого правила. Соболевану коллегам, корреспондент «Смены» в то же время рад, что наши читатели первыми узнают о самом совершенном самолете современности.

КТО ТАКОМ ПЬЕЦУХ?

Сейчас, когда я передаю эти строки, во втором пассажирском салоне, который, может быть, правильнее было бы назвать залом, Алексей Иванович Пьецух рассказывает историю создания «ЛК».

...Это было много лет назад. Четырнадцатилетний Алеша Пьецух направлялся в школу. Над входом в только что выстроенное здание он увидел яркий транспарант: «Агитпункт». Леша открыл двери. На столах лежали красивые журналы. На обложке одного из них — горы, море и парящий планер. Леша забыл обо всем. Он провёл в агитпункте целый день, но прочел лишь малую часть того, что было написано о выдающихся планеристах и безмоторных парителях: литература и агитпункте была обильной. Леша стал каждый день прихо-

дить сюда. И только когда школьные друзья пришли домой навещать «заболевшего» приятеля, пришлось вспомнить об уроках. Но авиация уже навсегда захватила Алексея.

В шестнадцать лет ученик 87-й киевской школы Алеша Пьецух уже мог гордиться тем, что сконструировал и построил с товарищами самый легкий и самый маленький в мире планер: на авиационном празднике в столице Украины он провел тридцатисемиминутный «ПАИ-1» по первой в своей жизни воздушной трассе. Девять с лишним лет спустя москвичи, собравшиеся на торжество в Тушино, восторжались совершенством фигур высшего пилотажа, выполняемых на безмоторном «ПАИ-5». Сотни тысяч людей аплодировали планеристу и конструктору Алексею Пьецуху. Но лишь немногие знали, что летчик-испытатель Пьецух «облетал» уже более семидесяти типов самолетов и планеров, самых маленьких и самых больших.

И уж только единицам было известно, что все что помыслили направлено теперь на решение загадки «летающего крыла», на решение проблемы, которая в последнее время была камнем преткновения для авиационных конструкторов всех стран.

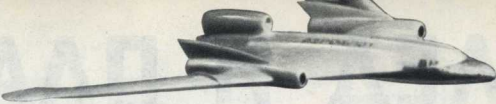
«ЛЕТАЮЩЕЕ КРЫЛО» НЕ ХОЧЕТ ЛЕТАТЬ

Почему же конструкторы так увлеклись проблемой «летающего крыла»? Да потому, что «ЛК» — идеальная схема летательного аппарата. Именно эта схема способна обеспечить максимальную экономичность полета и полный комфорт для пассажиров.

Если разобраться в целесообразности составных частей самолета, мы увидим весьма странную картину. Чтобы самолет мог держаться в воздухе, необходимо одно: подъемная сила. Ее создает крыло. Остальные же части машины — фюзеляж, горизонтальное и вертикальное хвостовое оперение — по существу, вредны: они во много раз утяжеляют конструкцию и оказывают огромное сопротивление движению. Происходит парадоксальная вещь. Конструкторы стремятся как «залезать» самолет, чтобы на нем не было даже миллиметровых шероховатостей, и в то же время мнутся с выступающими на целые метры вверх и в стороны частями машины.

Но что подделать? Летательный аппарат должен быть удивительно. Это равновесие придает ему горизонтальное оперение,

Репортаж с „ЛК“

расположенное на достаточном расстоянии от центра тяжести самолета. Только ради этого расстояния конструкторы и придумали продольные балки, которые превратились в фюзеляж, где и стали размещать грузы.

Итак, без горизонтального оперения самолет не может лететь. Нельзя, кажется, обойтись и без вертикальных рулей. Убери их, и машина тотчас лишится устойчивости и управляемости. Возможен штурман — самый страшный враг самолета.

Но конструкторы не оставляли идеи создания самолета идеальных аэродинамических форм. Один из них пришел к выводу: центральная часть крыла должна иметь подъемную силу, а его концы — создавать силу противодействующую, то есть выполнять функции горизонтального оперения. Другие решили: пусть передняя часть крыла по всему размаху будет несущей, а задняя возьмет на себя обязанности рулей горизонтального оперения. Оба принципа были правильными. Но стоило начать претворять их в жизнь, как авиационный поплавок попал в «заколдованный круг». Едва они добивались хорошей устойчивости и управляемости машины, как выявлялись большие потери в подъемной силе. Эти потери были настолько велики, что преимуществ «бесхвосток» по сравнению с самолетами обычной схемы сводились на нет. Не из-за чего было, как говорится, ломать копыта. И, наоборот, машина получалась отличных аэродинамических качеств, но плохо слушалась управления. Полет на ней напоминал балансирование на проволоке.

Почти тридцать лет трудился над созданием «летающего крыла» Борис Иванович Черановский. Он автор многих интересных конструкций, которые открыли путь для дальнейшего совершенствования схемы «ЛК».

Однако до сих пор создать самолет-крыло, по своим летным качествам превосходящий машины обычной схемы, не удалось ни одному конструктору в мире.

ЭНТУЗИАЗМЫ

— На «летающем крыле» полетить? — спросил меня недавно Алексей Иванович.

Я понял, что его давнишняя мечта сталавью...

Вот и летное поле, расчесанное ровными линиями стартовых полос. Среди десятков «ТУ»,

«Илов», рядом с «Каравеллами» и «Бонгами» стояла диковинная машина. Не было у нее ни фюзеляжа, ни хвостового оперения. Своими совершенными формами она напоминала парящую чайку. Три турбореактивных двигателя турбодвигателя «ЛК» мощно исполняли.

Мне оставалось сделать несколько снимков, передать их в редакцию и поспешить к машине.

Около нее сутелились конструкторы и инженеры. Отдавались последние распоряжения. Радостное волнение читал я на лицах Анатолия Кривошляна, Ниселли Романовой, Анатолия Белосета, Юрия Белова...

А в тот год, когда Алексей Иванович решил организовать студенческое конструкторское бюро, Ниселль Романова только еще готовила дипломный проект, и грызла гранит науки, предопределенный четвертой курсу, Толя Белосет, Толя Кривошлян, Володя Принаров, Юра Белов.

Оказавшись на студенческом собрании А. И. Пьеху поделился мыслями о новой конструкции «летающего крыла». Его идея сводилась к тому, чтобы в отличие от существующих различные схем на концах крыла расположить горизонтальное оперение малого удлинения. Значительная стреловидность крыла позволит вынести оперение на достаточное расстояние от центра тяжести. Концевые рули обеспечат равновесие в полете и продольную управляемость машины. А путем устойчивости? А проблема уничтожения вертикального оперения? И на эти вопросы у Алексея Ивановича уже были ответы.

Новая идея захватила ребят. Студенческое КБ начало свою жизнь. Многоэтажная семья студентов пополнилась новым отрядом.

Учебные семестры сменялись один за другим. А в комнате, где располагались КБ, напели с расчетами, графиками, чертежами становились все обильнее. Создавались специальные модели для продувок в аэродинамической трубе. Исследования в ней показали, что конструктивная схема, предложенная А. И. Пьеху, дает возможность создать летательный аппарат более устойчивый и проще управляемый, чем все существующие самолеты.

Настал день, когда в студенческом КБ приступили к проектированию и расчету огромного пассажирского лайнера. Здесь справедливо считали, что любой пассажирский самолет больше числа — самое необходимое для транспорта будущего.

Пассажирский самолет в первую очередь должен обеспечить максимальную безопасность воздушным путешественникам. Естественно, что чем больше самолет, тем лучше он может быть оснащен приборами и механизмами, помогающими пилоту. Чем больше самолет, тем больше и комфорт на нем.

И еще одним обстоятельством объясняется стремление создать именно большую машину.

Семилетка поставила перед воздушным транспортом задачу: увеличить пассажирские перевозки в шесть раз. Иными словами, ежедневно услугами авиации будут пользоваться в нашей стране многие тысячи пассажиров. Если эксплуатировать, скажем, двадцатилетние машины вместо больших, стесненных, то в день потребуется произвести четверть больше самолетов-летов. Представьте, какая нагрузка выведет на долю аэропортов! А ведь чем интенсивнее влетно-последний режим аэродрома, тем вероятнее нарушение безопасности.

А. И. Пьеху и его помощники при конструировании первого варианта остановили свой выбор на 144-местной машине.

В ПОЛЕТЕ

В огромном салоне «ЛК» лавчатые торежки создают «солнечную» обстановку. Мягкий свет распространяется от ламп, спрятанных в подполочных нишах. Вдоль стен салона размещались стеллажи для мелкой полки.

Пассажирские салоны «ЛК» меньше всего напоминают тоннельподобные кабины обычных самолетов. Скорее они похожи на холмы гостиниц. Кресла свободно вращаются вокруг своей оси. Их можно повернуть и так, что пассажиры группируются в уютные компании. Тогда между креслами появляются столики. Все это: и кресла, и столики, и внутренняя отделка холлов — сделано из пластмасс.

На лайнере нет обычного для самолетов шума двигателей. Вездвигатели на «ЛК» размещены позади пассажирских салонов. Изначные диффузоры, расположенные на стенах, показывают, что, хотя за бортом уже минус 40°C, температура в «ЛК» немаленькая — плюс 20°C; что давление вне зависимости от высоты поддерживается «земное», что в полете мы находимся столько-то, что в заданный пункт прибудем через столько-то и что под нами такой-то город.

И тут нельзя не обратить внимания на одну особенность пассажирских салонов: в них нет окон. Создатели «ЛК» правильно решили, что окна на самолете, летящем на высоте 8—10 километров, — всего лишь дым старой традиции. Отказ от окон диктовался в первую очередь соображениями безопасности. Ведь вырвется в обшивку и места соединения стекла и металла наиболее уязвимым для разрывов. А это грозит разгерметизацией и, следовательно, аварией. Ну, а вдруг пассажиру все-таки захочется взглянуть на землю? Конструкторы предусмотрели и это. В «ЛК» установлены телевизоры. Телепередачи, находящиеся в кабине пилотов, проектируют изображение на большие экраны, что размещены в пассажирских салонах.

Под нами — курчавая снежная пелена облаков. На секунду экраны темнеют. И вот уже по ним поблуживают титлы, начавшая демонстрация кинофильма.

Мы подлетаем к Ташкенту. Наша машина разворачивается над городом. Теперь — в обратный путь. Заметит ли на горизонте на семитысячелетнюю дорогу? Я прощу Алексея Ивановича Пьеху сравнить характеристики нового воздушного лайнера и одного из наиболее совершенных зарубежных самолетов — американского «DC-8».

Если принять, что наши машины обладают одинаковым полетным весом — сто тридцать тонн, то все пустого «ЛК» на 20 процентов меньше веса «DC-8». Вот вам первый положительный фактор: мы можем взять с собой либо больший запас горючего, либо увеличить число пассажирских мест. Нашей машине нужна значительно меньшая тяга для горизонтального полета. Значит, и тут мы экономим горючее. Эти показатели непосредственно влияют на третий — дальность полета. Если «DC-8» может пролететь без посадки 6 тысяч километров, то «ЛК-Юность» — до 10 тысяч. А все это, вместе взятое, позволит значительно удешевить стоимость перевозок.

Светящиеся табло оповещают, что до Москвы осталось два часа пятнадцать минут полета. Это очень много интересного можно рассказать о «летающих крыльях», и самом авиационном изобретении — «Юности» — и порыв, и мечта, и знание времени. Но ведь невозможно злоупотреблять любезностью бортовдистров, предоставляющих передатчик «ЛК» для этого репортажа.

машинные «крылья»

Когда-то каждый высосанный год ждал с нетерпением лишь Касыны (как известно, они один бивают на протяжении 29 февраля). Теперь его с волнением ожидают миллионы любителей спорта. Ведь именно в высосанный год проводится крупнейшее международное соревнование спортсменов — Олимпийские игры.

В нынешнем году мне удалось побывать и на зимних Олимпийских играх — в каллифорнийской долине Сико-Валли — на летних — в Риме. И сейчас, осенью, которая для наших спортсменов, выступавших в Италии, была и весьма жаркой и в бивуальном смысле слова золотой, мне хочется вспомнить прошлую зиму — старт олимпийского года.

Зимой наши олимпийцы взяли хороший старт. Они завоевали 21 медаль: 7 золотых, 5 серебряных, 9 бронзовых — на пять недель больше, чем на предыдущей Олимпиаде в Кортине д'Ампеццо. Идущие следом за нами американские спортсмены получили лишь 10 медалей, из них золотых было три — по фигурному катанию и хоккею. Однако и при победе всегда полезно подсчитать потери. Потери нашей команды были ощутимыми и серьезными. Некоторые из них не были неожиданными. Скажем, советские хоккеисты заняли третьи место. Это было обидно, но в какой-то мере закономерно. Но было поражение неординарное и досадное.

Какой же вывод хотелось тогда сделать! Для победы нужна не только хорошая физическая подготовка спортсмена, но также сила, скорость и отточенная техника. Нужны еще поддержка, гладкопроед и самообладание. А вот эти качества не хватало некоторым нашим участникам игр в Сико-Валли, обладавшим и силой, и скоростью, и ловкостью. Наши спортсмены, завываясь летним вандали спорта, часто ошибались, что принимал старт олимпийского года.

Победа советских спортсменов на летних играх грандиозна. 103 медали, из них 43 золотых! Эта победа пришла потому, что советские спортсмены в соревновании, очень сильными соперниками, где непростительна и чревата тяжелыми последствиями малейшая оплошность или самоуверенность, выступили с полной отдачей сил. Эта победа пришла потому, что советские спортсмены наряду с силой и скоростной проворностью несокрушимую волю к победе, удивительную выдержку и самообладание.

В финальном забеге на 800 метров наша спортсменка Людмила Шевцова оказалась одной (ее подруги выжили в полуфинале). Вместе с Шевцовой бежали две австралийки и три немки. Перед стартом Шевцова не было видно за рослыми соперницами. Бежать ей было трудно. Австралийки и немки помогли друг другу. Шевцова могла рассчитывать только на себя! Особенно много толку доставлял ей австралиец. Когда одна шла вперед, другая бежала рядом и мешала Шевцовой обогнать лидера. Но Шевцова, затаив могучими соперницами, сумела в самом финише изменить цель и оказаться первой. Она победила в этом испытании скорости и нервов, повторив свой мировой рекорд уже на итальянской земле. И весь стадион горючо аплодировал выступившей девушке, одержавшей победу, но сути дела над девушкой романди.

Соревнования гимнастов проходили в весьма экзотической обстановке — в одной из достопримечательностей Древнего Рима — термах Каракалы. Это было вечнозеленое зрелище — демонстрация мощи талантов на фоне старинных развалин. Наши гимнастки шли и победе ровной шеренгой, пропуская в ряды олимпийских чемпионов только чехословацкую спортсменку Еву Босанову. У мужчин борьба началась удивительно рано. Соревнования всегда были для нас опасными соперниками.

А к этой Олимпиаде они подготовились особенно хорошо. Борьба шла за десятки и сотни дола бивала. В конечном счете наши спортсмены вынуждены были уступить золотые медали японцам, которые выступили без малейших срывов. Вид у наших спортсменов был серьезный, но спокойный. Видно было, что они не падали духом и готовились взять реванш на индивидуальных выступлениях.

Так оно и вышло: на четверть снарядов из шести наших гимнасты оказались первыми. Нелзя было не любоваться артистической работой Бориса Шаляпина — спортсмена, гармонично сочетающего силу, изящество и железную выдержку. Он получил специальный приз за наибольшее количество медалей. Из у него оказалось шесть — четыре золотых, серебряных и бронзовых. А советские гимнасты в целом получили такие призы как наиболее красиво выступившие.

Я видел две игры советских баскетболистов. И обе они также могут служить образцом самообладания.

В предварительных играх наша команда проиграла бразилцам. В финальном турнире советские баскетболисты на протяжении всего матча также проиграли бразильцам. Разрыв достигал десяти очков! До конца игры оставалось три минуты. Казалось, все потеряно. Но, руководимый игроком лидерам союзности Майгюном Вальдманом, наша пятетка бросается в решительный штурм. Просвет сохраняется с каждой секундой. Вот наши игроки догнали соперников. Вот они уже впереди. Финальный тактос, Победил!

Встреча наших и итальянских баскетболистов проходила в последний день Олимпийских игр. Мы опоздали к началу игры, зато выехали из центра значительно раньше обычного. Интерес к матчу был огромным. К двору «Пала-ди-спорте» устремились тысячи машин. На полпути машины столкнулись со встречным потоком: это австралийские итальянцы, выехавшие на трассу марафонского бега. Образовалась пробка. Машины не могли двинуться вперед. Водители «баскетболисты», опасавшиеся и началу матча, начали гудеть дилеммными проклятиями гудками [сигналы в Риме, конечно, запрещены]. Это была отчаянная симфония, которой мог позавидовать самый ультрасовременный композитор футуристического толка. Полчищеские, отнесшие нашим «марафонцам» к тротуару, дали наконец дорогу нетерпеливым «баскетболистам».

В спортивном зале было не менее шумно, чем на улице во время этой автомобильной симфонии. Сирены судей порой не были слышны не только зрителям, но даже игрокам. Зал, состоявший в большинстве из итальянцев, естественно, имел успеха своей команды. Зрители были решительны на каждое решение судей, направленное против итальянских игроков — оно казалось несправедливым. Наши игроки были трудолюбивы в столь накаленной атмосфере. Милейшая резкость — даже неумелая — воспринималась нами грубостью и вызвала ропот. Соперники были сильнее — свет на протяжении игры раз пятнадцать становился ничейным. Советские баскетболисты вышли победителями и в этой жаркой и шумной битве.

Роберт Шаляпин получил в Риме специальный приз за темпераментность и наибольшую волю к победе. Думается, что такой подарок могли бы быть удостоены и многие другие наши спортсмены, в выступлениях которых соединились оригинальные форма и расчетливое спокойствие. Лед и пламень!

Советской богатырь Юрия Власов награжден специальным призом за наиболее фантастический результат. Результат истинно фантастический — рекорд в тройном удлинении сразу на 25 килограммов! Подобного примера

не было за всю историю спорта! Главным соперником Власова — американец Джим Бредфорд — был чуть ли не ядром крупнейшего советского спортсмена. Однако на рубеже ночи и последнего дня Олимпиады самым сильным человеком планеты назвали Юрия Власова. Слово в увлекательном спектакле, созданном искусным драматургом и изобретательным режиссером, сама символика сцена были сохранены к финалу, как говорится, под занавес.

Мы рады, что главный успех на XVII Олимпийских играх выпал на долю советских спортсменов. Это заманчиво. В мире спорта происходят сейчас события, которые явно отражают соревнование двух систем — социалистической и капиталистической. Соревнование, развернувшееся во всех областях жизни — в области экономики, науки, культуры.

Любопытно, что накануне Олимпийских игр главный олимпийский тренер легкоатлетов США Ларри Снайдер в беседе с журналистами сказал: «Спортивные результаты и их уровень в конце концов зависят от материального благосостояния народа и его жизненного уровня... Снайдер имел в виду, конечно, результаты американских легкоатлетов и их предлагающую победу. Однако и после победы атлетов СССР слова эти не потеряли значения. Наоборот, они убедительно раскрывают одну из причин нашего успеха».

Да, на спортивном поприще побеждает страна, где неизменно растет материальное благосостояние народа. Побеждает та держава, где народы открыты широким путям в спорт, где радуя физкультурников исчисляются уже не тысячами и даже миллионами, а десятками миллионов человек. Побеждает Советский Союз! Теперь римские события стали достоянием истории. Но тем, кто побывал в олимпийском Риме, никогда не забыть те моменты, когда старты, вращающиеся вокруг центра олимпийского стадиона, замарал в тишине перед стартом спринтерского бега. Такая тишина бывает только в концертных залах перед тем, как прославленный дирижер взмахнет своей палочкой. Это так! Так сказать, олимпийская выдержка, олимпийские спокойствие. Но как только раздавался выстрел стартера и бегуны устремились вперед, начиналось нечто необозримое. Такой шум, какого еще не знал ни один стадион мира и который, быть может, следует назвать олимпийским шумом.

И навсегда, конечно, запомнится торжественная церемония закрытия Олимпийских игр. После марша знаменосцев стадион погружен в темноту, горело только пламя в олимпийской чаше. Свечами оно должно погаснуть. Но вот на одной трибуне загорелся фанат. Потом второй, третий... Зрители стали свертывать и зажимать газеты, бумажные кожанки и козырьки от солнца, щедро раздаваемые в рекламных целях торговыми фирмами. И стадион осветился дрожащим светом тысяч фонарей-свечелочков.

И вот догорели огни. Снова замигали прожекторы. Уходят торжественным маршем знаменосцы.

И вдруг — это было уже не программы — выскочил на беговую дорожку человек с большим итальянским флагом. Он бежал, что было сил, и кричал, тоже из всех сил: «Италия, Италия!»

И вот было столько страсти и азарта, что если бы болельщиков награждали призами, то это оставшийся неизвестным зритель наверняка бы получил бы золотую медаль. Зрители наградили его аплодисментами и улыбками. В воздухе небо заиграло на твоем: «Добро пожаловать на Олимпиаду в Токио!»

Это — приглашение для зрителей. И напоминающие спортсменам! Олимпийский год кончается. Пора готовиться к новым международным играм!

Восемнадцать дней горел в столице Италии олимпийский огонь. Горел повсюду, где шли соревнования. Перед вами снимок, сделанный на озере Альбано, где так блестяще выступили советские гребцы. Друзья-земляки из Белоруссии Сергей Макаренко и Леонид Гейнтор только что получили высшую награду — золотые медали олимпийских чемпионов. На вилке снимке: у входа в олимпийскую деревню.

Фото В. Светланова и Л. Ворудлина.

Стремительный разбег... Сейчас копье взомется в небо. Оно долго не упадет на землю, ибо пушено умелой рукою Эльвиры Озольной — сильнейшей копьеметальщицы мира...

Промедленный спортивный сезон надолго останется в памяти Эльвиры Озольной и ее тренера И. Г. Сулиева. И дело не только в том, что Эльвира стала олимпийской чемпионкой, метнув в Риме копье на 55 м 96 см. Пятнадцать лет назад ученица И. Г. Сулиева Людмила Анютина первой из советских спортсменок установила рекорд в метании копья. Теперь рекорд-составительница Сулиева — Эльвира Озольная. Еще перед домом завладела другой воспитанница Сулиева — Эльвира Озольная. Еще перед Олимпийскими играми, в мае, Эльвира сделала блестящий бросок на 59 м 55 см.

Недавно Эльвире исполнился 21 год. Она студентка Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта. Ближайшие планы спортсменки — сделать бросок за 60 метров!

Фото А. Бурдукова.

ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА

1. СССР	103 медали	[43 зол. + 29 сер. + 31 бр.]	...682 очка
2. США	71 медаль	[34 зол. + 21 сер. + 16 бр.]	...613,5 очка
3. Германия	42 медали	[12 зол. + 19 сер. + 11 бр.]	...382,5 очка
4. Италия	36 медалей	[13 зол. + 11 сер. + 12 бр.]	...320 очка
5. Венгрия	21 медаль	[6 зол. + 8 сер. + 7 бр.]	...150,5 очка
6. Польша	21 медаль	[4 зол. + 6 сер. + 11 бр.]	...148 очков

ГИМНАСТИКА

181,5 очка получили на Олимпиаде наши гимнасты! Это и два раза больше, чем у оставшихся на втором месте японских спортсменов. Советские гимнасты завоевали 10 золотых медалей. Четыре из них получили В. Шахлин, две — Л. Латынина, по одной — П. Астасюк, М. Николаев и А. Азарин. Еще одну медаль принесла нам женская команда.

БОРЬБА

Наши борцы выступили в Риме хуже, чем в Мельбурне. Ввольной борьбе мы заняли третье место (24,5 очка), пропустив вперед спортсменов Турции и США. В состязаниях по классической борьбе первое место все же осталось за нами — 33,5 очка. Золотые медали завоевали О. Каранев (легчайший вес) и А. Коридзе (легкий вес) и М. Богдан (тяжелый вес).

ГРЕБЛЯ

В обоих видах гребли советские спортсмены завоевали первые места. Представители академической гребли принесли 31 очко, байдарочники — тридцать четыре. Золотые медали получили: В. Иванов (одиночка), В. Воробьев и О. Голованов (двойка распашная без рулевого), А. Середина (байдарка-одиночка), А. Середина и М. Шубина (двойка), С. Манаренко и Л. Рейтштор (двойка-каное).

ФЕХТОВАНИЕ

Сорон четыре очка внесли в общекандидую «шпилику» советские фехтовальщики. Они завоевали в Риме наибольшее количество очков, заняв первое командное место. Особый успех выдал на долю раирингов. В легких соревнованиях золотую медаль завоевал В. Яданович. Еще две золотые медали завоевали советскими спортсменами в командных состязаниях по раирпе.

ВОДНОЕ ПОЛО

Огромным упорством отличались олимпийские состязания ватерполистов. Силы финалистов команд СССР, Венгрии и Югославии оказались примерно равными. Наши спортсмены завоевали серебряные медали. Лишь поражение от победителей турнира итальянцев (0:2) лишило их первого места. На третьем месте — венгры.

ВЕЛОСПЕД

Итальянские велосипедисты выиграли в Риме большинство первых мест. Они завоевали и командное первенство — тридцать четыре очка. Волной успех выпал также на долю советских спортсменов, которые с 26 очками остались на втором месте. Золотую медаль завоевал в шоссейной гонке В. Калитонов.

КОННЫЙ СПОРТ

«С. Филатов — самый элегантный и звездный в мире...» — так писали о советском спортсмене итальянские газеты. Филатов превосходно выступил в Риме и завоевал золотую медаль. В общем зачете наши конники остались на пятом месте. Лучшими оказались спортсмены Австралии.

СТРЕЛБА

Советские стрелки, как подтверждает Олимпиадные игры, остаются лучшими в мире. Они получили 41 очко. Лучшим стрелком представитель другой страны. Золотые медали завоевали итальянцы (стрельба на тигстае) и В. Шамурин (малополуберный стандарт 3 × 40).

БАСКЕТБОЛ

Американские баскетболисты победили в Риме всех соперников. У нашей команды успех выиграли со счетом 81:57. Как и в Мельбурне, советские игроки два завоевали серебряную медаль. В борьбе за второе место советские спортсмены выигрвали у сильных команд Бразилии и Италии.

ПАРУС

Первое место в парусном спорте завоевали спортсмены Дании — 13 очков. Не намного отстали наши спортсмены, набравшие 11 очков. Лучшими среди парусников — один из скрупион Олимпиады. Особый триумф выпал на долю Т. Пинегина, завоевавшего золотую медаль.

БОКС

Явно уступили свои позиции по сравнению с Мельбурном боксеры. Лишь один О. Григорьев (легчайший вес) завоевал золотую медаль. В общем зачете советские боксеры — на четвертом месте. Они завоевали 24 очка. Первое место заняли итальянцы, у которых 39,5 очка.

СОВРЕМЕННОЕ ПЯТИБОРЬЕ

Венгерские спортсмены в Риме сумели значительно опередить нашу команду. У венгров 22 очка. У советских пятиборцев — восемь. Это, бесспорно, неудача наших пятиборцев, бывших первыми на трех последних чемпионатах мира в личном и командном зачете.

ФУТБОЛ

Трижды колоссальные футбольные стадионы вторыми на Олимпийских играх. Их так и называли «серебряной командой». Теперь югославы завоевали, наконец, золотые медали. В финале они победили нашу команду (3:1). Третье место осталось за венграм.

ТРАВЯНОЙ ХОККЕЙ

Неизменно победители всех Олимпийских игр по травяному хоккею — спортсмены Индии — на этот раз уступили первенство команде Пакистана. Индийцы и пакистанцы отличались необычайной силой борьбы и закончили со счетом 1:0 в пользу Пакистана.

ПЛАВАНИЕ И ПРЫЖКИ В ВОДУ

Превосходных достижений добился в Риме пловцы. Вуваляно во всех видах плавания побиты олимпийские рекорды. Установил также два рекорда мира и Европы американский успех выпал на долю американских пловцов. Они завоевали 9 золотых медалей из 15 и набрали 80 очков. Второе место — у пловцов Японии (29 очка), у которых 5 золотых медалей и 78 очков. Третье место досталось команде Великобритании (31 очко), но которая опередила сильнейшую японскую команду.

Неудачно выступили в Риме наши пловцы. По сравнению с Мельбурном Олимпиадой они даже ухудшили свой результат. Ни в Мельбурне наши пловцы принесли 10 очков, а в Риме — лишь пять. Ни в одном из видов плавания не смог завоевать призового места. В состязаниях по прыжкам в воду наибольшее количество очков завоевали американские прыгуны.

ТЯЖЕЛАЯ АТЛЕТИКА

Постоянно блестяще выступ советских штангистов. Иза болония Р. Лилкофельдера нам пришлось выступить на Олимпиаде исподволь командному чемпиону — спортсмену Индии — на этот раз уступили первенство команде Пакистана. Индийцы и пакистанцы отличались необычайной силой борьбы и закончили со счетом 1:0 в пользу Пакистана.

Пять золотых медалей привезли из Рима штангисты Советского Союза. Медали завоевали: Е. Бондарев (полутяжелый вес), В. Бушуев (средний вес), А. Курманов (полутяжелый вес), А. Воробьев (полутяжелый вес) и Ю. Власов (тяжелый вес).

Старт дали в одиннадцать. И сразу же со старта он, как торатор велосипедистов, попал в «замазку». В самую кучу. Однако он не волновался. Слишком омытен был, чтобы волноваться. И слишком длинный путь лежал у него вперед — 175 километров под палашим солнцем.

Первые минуты он держался ближе к обочине, чтобы в случае «аварии» обхватить упавших. Потом осмотрелся. Все было в порядке. Его товарищи: Гайнан Сайдужун, Евгений Клевец и Юрий Мелихов — шли рядом. Противники тоже держались поближе. Бельгиец Ван ден Берген, все четыре итальянца — Валлетта, Варивера, Тонуччи, Трапе — и три немца — Адлер, Хаген и Шур.

Шур унадел его, улыбнулся и крикнул:

— Давай, Калитонов!.. Они с Шуром хорошо знают друг друга. Приходилось встречаться на велогонках Мира. Правда, там Виктор не велел. И не только там. В Мемфисе он за два круга до финиша ушел вперед от итальянца Валдзини (того, что теперь стал профессионалом). И австралийцы так же кричали ему тогда: «Давай, Калитонов!».. Но на последнем круге он проколол колесо, и все было кончено.

Да что там говорить! А в 1967 году на велогонке Мира? Оставалось два этапа до конца, и он был лидером. А потом под Вроцлавом прокол — и в итоге лишь третье место. Через год все повторилось. Снова он лидировал в гонке. Выиграл три этапа. За 120 километров от того же Вроцлава потерял фалгу с питанием и еле дошел до финиша.

Но ведь не могло же так продолжаться вечно! Не могло. Он знал это точно так же, как и то, что от сейчасней гонки, особенно сейчас, он почувствовал это два дня назад в командной гонке. Было сорок градусов в тени. Ребяткам приходилось трудно. И если все команда чувствовала друг друга, то его не промыв об этом. Да он и сам бы не допустил, чтобы его друг, капитан команды Евгений Клевец, сказал:

— Виктор, ребята трудно, они бы этого не допустили. Он сам все видел и все понимал. Бывало трудно и ему. И тогда работала Клевец или кто-нибудь другой. Бывало, он отдавал своей команде. Бывало, велосидел, отдавали ему... О мелочах нечего и говорить!.. Они были друзья, и каждый привык, не задумываясь, жертвовать личным результатом ради друга и команды.

Вот сейчас силнее остальных был он, Калитонов. Просто так получилось. Хорошо подготовился. Он мог победить и знал, что ребята помогут ему. Он инкогда не прошил. Никогда не говорил об этом. Все подразумевалось само собой. Если бы кто-нибудь другой был сильнее, помогали бы ему. Он бы сам помогал. Таков закон.

А тогда набирала и набирала скорость. Головные ветерки колонила, Колонина велосипедистов то сжималась, то растягивалась. Пока все шло нормально. Только двое черепуху ретивых голландцев рванули на педаль и ушли далеко вперед. За ними не потягивался. Раю. Чего тут гяться? Вдур кто-то упадет. Другой. Третий не успеет вернуться. Четвертый хотел обхватить. Но шоссе

А. ЗИЛБЕРБОРТ,
мастер спорта

узкое. Он врезался в соседа, и падают оба. А головные рулетка вперед.

— Темпо! Темпо!..

И где-то в этом разнородном потоке идет Виктор Калитонов. Высокий, светловолосый парень с номером «162» на спине и груди. Он хорошо знает, что такое настоящая гонка. Пот зальвает и шипит глаза. Пересохли губы...

А ведь раньше Калитонов не думал, что станет гонщиком. Он жил тогда в Калининске. Учился в школе и любил конки. Бегал по первому разряду. Все случилось летом. Его попросили проехать в соревнованиях велосипедистов на 20 километров. Просто так. Для зачета. Он не любил, когда его просят дважды. На старте ему было как-то не по себе. Он не знал, куда встать. И вообще не знал, что будет дальше. Рядом с ним стояли какие-то самоуверенные парни. Они громко разговаривали и уж, наверное, знали все. Один из них посмотрел на него и сказал:

— Эй ты, белобрысый, не мешайся со своим друндлутом!

И ему стало еще хуже. Конечно, он белобрысый. И не имеет такой красивой майки. И действительно: куда он вообще лезет со своим «друндлутом»? Он отшел. Потом все поехало. Ехать было легче, чем стоять на старте. У него были сильные ноги, и он без устали крутил педали. В конце концов ему удалось пристроиться за теми самоуверенными парнями. Они шли вперед. Так продолжилось почти до финиша. Скорость немного увеличилась. Но если говорить честно, ему было легко. И уже у самого финиша он услышал чей-то знакомый голос:

— Жим, Витя!.. Он нажал. После финиша сразу ушел домой. Испугался, что поколотят ребята, за которыми он ехал. А на финише долго искали и не могли найти победителя. Потом кто-то сказал:

— Да это Витка Калитонов! Поидите покажу, где он живет. Так легко это началось. По-

том ему не раз было трудно. Очень трудно. Особенно когда он переехал в Москву и стал тренироваться в ЦСК. Тренировки проходили на Куркинском шоссе. Шоссэ встречало его подьяемим. И сначала он не мог одолеть их. Но все вошло в свою колею. Были друзья по команде, победы на первенствах страны, велогонки Мира. И вот теперь он был, низко пригнувшись к рулю, по шоссе недалеко от Рима. Закачивался четвертый круг. Борьба еще не началась. Но он знал, что она начнется обязательно, и готовился к ней. Кто же будет его противником? Ван ден Берген? Хаген? Тонуччи? Трапе? Наверное, Тонуччи или Трапе. Итальянцы перед началом гонки заявили, что теперь они отомстят за все. Им было за что мстить. Сильнейшие гонщики, они каждый раз уезжали с велогонки Мира «побежденными».

Что ж, он готов к борьбе! Но пятый круг подъяехал Клевец.

— Скоро будет питательный пункт! — крикнул он. — Пробивайся вперед и уходи.

Виктор кинулся:

— Питательный пункт через круг. Ему он не нужен. Он вала питание с собой и не остановится. Он уйдет вперед, а ребята будут сдерживать гонку.

«Началось!», — подумал он. Перед питательным пунктом колонила растерялся. Гонщики на ходу хватали пластмассовые стаканы, заприщипывали головы и пили. Стало свободнее. Он не пил. В этот момент он бросил машину вперед. Пусть пьют. Только сейчас и можно пробыться. Два раза он на кого-то чуть не налетел. Он даже не обернулся посмотреть, на кого. Никогда! Он метался среди заприщипанных шоссэ машин. Вперед! Вперед!..

Вот и головные ветерки подъяемом. Сейчас он пошел по следней борсе. Но как только он повернул, от ведущих отделились три гонщика и резко пошли в гору. Значит, он не один! Достать их! Он стиснул зубы. Вперед! Все ближе и ближе. Достал. Почти у самой вершины.

Они оторвались от всех и пошли вчетвером. Тотюла теперь он отделился и посмотрел, с кем идет. Знакомый полде — кажется, Сала — встал на и шире одной яркой майке. Нет, это не основные соперники. Он знал их силы. Никому из них не продержаться до конца. Но пова, конечно, можно ехать и в ними.

Пошел седьмой круг. С горы колонила видна как ит ладони. Длинная разнородная лента гонщиков называется на патнадцатикилометровом кольце асфальта. Он почему-то подумал, что это злоборное положение на белку в колесе. Ему даже стало весело. Обернулся назад и увидел, что их догоняют четверо. Они гнали изо всех сил. Лиц не было видно, но он по черкури понял, что это наконец ты, с кем придется встретиться в борьбе.

Да, это были они! Два незнакомых англичанина, чемпион мира Хаген и Трапе. Англичане не в счет. Значит, Трапе и Хаген. Перед началом гонки он много слышал о них. Особенно о Трапе. Их стало восемь. Они догнали

голландцев, и те сразу отстали. До Финляндии осталось четыре круга. Пора начинать! Кто же первый? Никто... Сзади достали бутерброды. Жуют, откусываются. Мы работа дураков доброт.

Тогда начнет он. Рынок! Сначала за ним погнались. Потом решили, что один он все равно далеко не уйдет. Пусть думает. Теперь он шел по шоссе один. Нет, он не верил, что ему отдадут победу легко. Но пока он шел один, и разрыв увеличивался. Он принужден ниже к рулю и опустить голову. Только бы хватало сил. Он уже ни о чем не думал. Он только крутил и крутила педали. А по обеим сторонам шоссе, сливаясь в пеструю стену, стояли люди. Они кричали. Они не понимали, что происходит. Русский возглавлял гонку. А где же Трапе, где Тониччи? Они же итальянцы! Они не имеют права проиграть! Конечно, этот русский хорош. Уши вперед один за четыре круга до финиша! И не боится. Молодец! Брависсимо! Но что заставляет его идти вперед всего? Чем ему надо? Другое дело Трапе. Для Трапе победа — вердикт судьбы. Волжух, которому он сможет дышать в будущем. Ведь незадолго до Олимпиады он получил 8 миллионов лир лишь за то, что согласился на кино и официально остался любителем. Потом он, как и Балдини, перешел в профессионалы. И это выгоднее сделать, завоевав звание олимпийского чемпиона.

Да, вероятно Трапе понастроит итальянцы. Борьба за жизнь. Борьба за существование. Каждый из них так или иначе ведет ее. Но Капитонов? Русские не признают профессионализма. Им не нужно продавать предпринимателям менеджерам свои ноги. Что же тогда ведет его вперед? Сам Капитонов никогда не задумывался над этим вопросом. Все было ясно. Победа его и жизнь его — товарищески воспринималась каждым из них как общественный долг, как долг перед Родиной. И нет большего счастья, чем в чужой земле, под чужим небом слышать торжественную мелодию советского гимна и видеть красный флаг, гордо развевающий над головой. Нет большего счастья, чем, возвращаясь домой со спокойной совестью, сказать: «Я сделал все, что мог».

Так было с каждым из них. Каждый когда-нибудь шел один. И теперь этот жебрий достался ему...

Да, пока он был один. Но ко-

гда на подьеме оглянулся назад, то увидел, что между ним и остальными идет еще один гонщик. И по тому, как кричали зрители, он понял, что это итальянец. Трапе? Он присмотрелся. Черные, подстриженные ежиком волосы. Трапе! Ну что ж, он полагает его. Видно будет доселе. Зрители же, конечно, кричат: Три или два? Он забыл. Он очень устал, хотя их и двое и они попеременно ведут друг друга.

— Темпо!
И вперед выходит Капитонов.
— Давай!
И вперед выходит Трапе.
Они честно ведут друг друга. Сначала они испытывают, сколько у кого осталось сил. Но потом понимают, что оба одинаково сильны и что это решит между ними последний, 175-й километр. А пока они должны уходить. Вперед! Вперед! Они или сплывут одной веревочкой. Они не победят друг друга. Один на шоссе не выживет.

Сколько же осталось кругов? Один или два? А черт, забыл! Скорей бы все это кончилось. Скорей! Во рту горько. Волосы припружили ко лбу. Жарко. Трапе сидит на колесе... Финшиш или нет? На всякий случай нужно финишировать. Спуск... Сумасшедший рынок. Вот толпа, гре- Фишиш! Он разгибается и поднимает руки. Он отдал все. Но что это? Шелешен кричит. Бежит к нему.

Дальше! Дальше! Еще круг! Еще круг... Легко сказать! Он уже финишировал. И все, на что был способен, вложил в этот финиш. У него больше нет сил. Он хочет пить. Хочет лечь на траву. Ну, пусть не лечь. Пусть останется в седле. Тогда просто спокойно проспать немного, без бешеной скорости, изнурительных рынков и трепей нервов.
А Трапе проносится мимо. На его лице написано недоумение. Что это? Фарс? Маневр? Уловка? Спорник устал? Он не может продолжать борьбу? Он умышленно финишировал раньше, чтобы потом сказать: «Я ошибся!» Но Трапе-то это понимает: Капитонов просто едился. Пусть лучше ничего не вводит в заблуждение...

Нет, он никакого не вводит в заблуждение. Он финишировал на круг раньше. Он ошибся. И так устал, что хотел отдохнуть. Просто он потерял контроль над собой, или, как говорится, отпустил поводки. Но когда Трапе пронесся мимо, ему показалось, что вме-

сте с Трапе уходит что-то большое, важное. То, ради чего он проехал десятки тысяч километров по дорогам Европы и одинаково трудных кругов здесь, под палящим солнцем.

Вigno они идут вместе в сложном порядке орущих зрителей. За ними несутся машины и судейские мотоциклы.
До финиша полтора километра...

Что? Какое? Почему Трапе не выходит вперед? Ведь еще далеко. Может быть, у него что-нибудь случилось? Остановится? Почему? Ведь они честно борются — он и Трапе. Он обаял ему помочь...

Он оборачивается. Нет, все в порядке. Трапе идет сзади. Их взгляды встречаются, и Трапе отводит глаза.

— Темпо... — кричит он.
— Давай!
Но Трапе не хочет выходить вперед. Он, Трапе, знает тактику. Он подождет, пока его соперник истрастит последние силы, а перед финишем с молотом обобьет его.

— Ты думаешь, я тебя не понимаю, Трапе? Ты хочешь, чтобы я тебя вел за собой. Чтобы я сделал главное, а победа досталась тебе. А потом ты поможешь мне руля и подаривши со вторым местом. Хорош! За полтора километра до финиша отскакиваться на колесе...

Нет, он не даст себе обмануть. Если бороться, так честно. Он тормозит. Трапе чуть не врзается в него. Тормозит тоже. Он бросает машину в сторону. Он не выходит вперед. И все кричат ему:

— Держись за русским, Трапе! И Трапе не выходит... Они еле едут. Ползут по шоссе, как черепашки. А сзади их наступают лавины гонщиков. Они все ближе и ближе. Что там сейчас происходит? Капитонов понимает все. Сейчас там рухнет вперед. Но его друзья «ловят ритмы и сбивают темп. Они делают это для него, для его победы. И он должен победить! Должен! Теперь уже все решат нервы. Только бы лавина не захлестнула их. Его и Трапе. В большой группе, где важна спритическая скорость на финише, они не могут победить. Они оба сильны, выносливы, как лошади. Но спирита у них нет: они шессейники.

До финиша 250 метров. Лавина ридом. Она, будто липкий язык чудовища, тянется к ним.

Если они «принипнут» — все пропало. Ждать нельзя. Спихком велик риск. Пора финишировать.

И в эту минуту Трапе вырывается из-за его спины. Нервы не выдерживают!

Этo уже бой. Капитонов ждал его. Он так же, как Трапе, бросается вперед. Теперь нетеребо брещ сил. Нужно победить Трапе. Он все ближе и ближе. До финиша 200 метров. Капитонов поднимает голову к сопернику. Трапе не уйдет! Двадцать метров! На финише творится что-то необыобразное. Люди кричат, выегают за шоссе.

Пора! Капитонов поднимается в седле, встает на педали. Сумасшедшая скорость. Все сливается. На глаза набегает слезы. Раскаленный ветер хлещет в лицо. Руки сравнялись! Еще немного!

Капитонов! Капитонов!

— рвет толпа.
А он... Держите, он сейчас упадет! Но ему не дают упасть. Его подхватывают, поднимают. И он медленно плывет над возмущением моряков толпы. Его несут на вытянутых руках, ставят на самую высокую ступеньку пьедестала.

Сквозь толпу проталкиваются друзья: Мельхов, Клецов, Сайб, Жукин. Целуют его. Обнимают. Победа! Замечательная победа под горячим и синим небом Рима! В эту победу вложен его труд и труд его друзей.

Он так и стоял это итальянскому писателю Пьеру Паоло Пазолини. Вечером, в небольшом ресторане. С ними было еще Шелешен. Их обиды пригласил писатель. Они сидели втроем. Пазолини рассказывал Капитонову о его жизни, о спорте.

— Что вы получите за свою победу?

— Я получу очень много.

— Что же? — Пазолини привиднулся далеко.

— Самое дорогое, что можно получить в нашей стране, — уважение.

И рука Пазолини легла на его руку. Писатель остался доволен ответом.

Они сидели втроем. А на страде красная девушка тихо пела «Амаде мю».

— «Амаде мю», — пядло в полумертвом притихший зал.

И казалось, гонка была давнодавно... Не было ни Трапе, ни 175-го километра, ни жары... Прохладный ветерок приятно ласкал лицо.

Втроем шли они по улице. И каждый по своему думал о том, что произошло в этот день.

ОБМЕН СУВЕНИРАМИ В ОЛИМПИЙСКОМ ДЕРЕВНЕ.

ДЕСЯТИВОРЕЦ
РАФЕР ДИОНСОН.

На Олимпиаде в Мельбурне заслуженный мастер спорта Владимир Сафронов завоевал на риме золотую медаль, а в Риме он приехал уже как болельщик. В олимпийские дни Владимир Сафронов можно было видеть с олимпийцами и парашютистами в руках на стадионах, улицах города, в олимпийской деревне. Некоторые из его рисунков зарисовки мы сегодня публикуем.

ЛЕГКОАТЛЕТЫ

НОКАУТ

Гавриил КОРОБКОВ,
заслуженный тренер СССР,
тренер сборной команды
советских легкоатлетов

За несколько часов до отлета в Рим я получил августовский номер журнала «Трикс энд Фидл» нынче. Вот уже несколько лет его высылают мне братья Кордун и Берт Нельсон, которые издадут и редактируют этот журнал в калифорнийском городке Лос-Альтос. Журнал этот считается наиболее авторитетным в легкоатлетическом мире летачным органом.

Я очень счастлив перед отъездом и смогу просмотреть журнал лишь в самолете, когда наш ИЛ-18в, оторавшись от бегона Шереметьевского аэродрома, лет курсом на Рим. На тринадцатой странице мое внимание привлекли олимпийские прогнозы. Прогнозы журнала «Трикс энд Фидл» нынче — дело серьезное. До сих пор журнал редко ошибался. Это нам хорошо известно. Кто же, по его мнению, выиграет 100 метров? Нортон (США), 200 метров? Нортон (США), 800 метров? Зиберт (США), 10 тысяч метров? Халлберг (Норвегия). Эстафета 4 × 100 метров? США. Прыжки в высоту? Томас (США). Метание копья? Аллей (США). Метание молота? Коннолли (США)... Сколько же золотых медалей завоеуют американцы! Давидты! Сколько могут завоевать советские легкоатлеты! Не больше четырех — и то лишь в женской программе. Ну, а сколько очков наберут американцы! Больше 220! Советские легкоатлеты, как считал журнал, могут надеяться всего на 120 очков.

Вот последняя предостерегающая прогноз людей, которые, как казалось, видели всех осведомлены в предолимпийской кузне мировой легкой атлетики. Я с нетерпением ожидаю теперь сентябрьского номера журнала. (Но скажут некоторые читатели оракулу из Калифорнии) Очевидно, и они стали жертвами того пропагандистского наступления, которое повели накануне Олимпийских игр руководители легкой атлетики США.

Как не поверить председателю комитета легкой атлетики союза спортсменов-любителей США Пинкису Собору и главному олимпийскому тренеру легкоатлетов США Ларри Сильверу, если накануне вылета из Нью-Йорка в Барто они уверенно заявили: «Мы ведем сильнейшую команду, равной которой не знала история легкой атлетики. Наши спортсмены выступят в Риме намного лучше, чем в Мельбурне, и добьются командной победы с еще большим преимуществом».

Остается лишь малопомнить, что в 1956 году в Мельбурне американцы набрали 210 очков и завоевали 16 золотых медалей. У нас было тогда 144 очка и 5 золотых медалей.

...И вот 31 августа — первый день состязаний легкоатлетов. После того, как англичанка Мэри Бингил в квалификационных соревнованиях легко прыгнула в длину на 6 м 33 см, мало что сомневался в ее победе. Говорили, что борьба за золотую медаль: будет идти между нею, олимпийской чемпионкой Эльзбетой Квешинской (Польша) и немкой Хильдрун Клаус, установившей накануне Олимпийских игр рекорд мира — 6 м 40 см. Никто не принимал всерьез маленькую блондинку Веру Кренибун, выступившую своим «лобным» выде — прыжках в длину. Все знали, что Вера — спринтер, повторивший рекорд мира в беге на 100 м (11,3 сек.). Но Вера еще раз напомнила своим выступлением, что спринт и прыжки в длину — родные братья. Чем быстрее разбежешься — тем дальше унесет тебя в прыжке. Чем больше в жизни бегавших, тем точнее будет у тебя разбег. Ее разбег был самым стремительным, попадание — самым точным, результат — самым лучшим. В этот день первым небо взвился флаг СССР и

первым гимном, прозвучавшим на стадионе «Форо Италико», был наш гимн.

Надолго запомнится советским легкоатлетам четвертый 1 сентября.

В 17 часов 30 минут был дан старт финальному забегу на 100 метров. Шесть быстрых трюнов мира: немец Армин Хари, кубинец Эриро Дигуарола, англичанин Питер Радфорд и три американца — Джим Зим, Френсис Бада и Отис Нортон — сняли тренировочные костюмы. Трое черных и трое белых... Если бы стартер не вернул бегунов после первого выстрела, то, я думаю, результат Хари был бы равен 10,0 сек., а может быть и 9,9 сек. Такого старта, какой взял тогда Хари, мне никогда не приходилось видеть. После выстрела через два шага он уже был впереди всех на 1,5 м. Это была молния!.. Но стартер выстрелил второй раз. Это был фальстарт. Однако преимущество Хари было так велико, что стартер усомнился в самом себе и вернул бегунов обратно, но сделал никому замечания.

Снова старт! И снова Хари впереди. Правда, уже не на 1,5, а на 0,5 м. Какая-то невероятная реактивность нервной системы этого юноши орождаетывает все наши понятия о скорости реакции человека, и тому же не остается камня в огороде и от растущих выдумок о «белой» и «черной» нервной системе! После половины дистанции Хари на 1,5 метра впереди всех. Но если Хари — король старта, то Зим — король финиша. Такого выскра на финише я тоже никогда не видел. Если бы дистанция была не 100, а 101 метр, то, вероятно, победил бы Зим. Однако на сотом метре впереди все еще был Хари. Лобная голова которого возвысилась о конце гегломон американцев в спринте.

И вот, пока шли эти бурные события, началась соревнования по прыжкам в высоту, завершившаяся счастливой, равной спорой, но не было на XVII Олимпийских играх. Среди участников — студент Бостонского университета Джим Томас, 19-летний красавец чер ростом 195,5 см и весом 87,3 кг. Этот парень 10 июня 1960 года установил феноменальный мировой рекорд — 2 м 22,5 см. Не было среди олимпийцев спортсмена, который бы пользовался накануне игр такой же популярностью, как Томас. Газеты, радио и телевидение создали ему рекламу, которой до сих пор не знает ни один атлет мира. Томас стал символом феноменальности американской легкой атлетики. Золотая медаль незримо поблоскивала уже на его груди.

Не спеша, один за другим выходят на поля прыгуны. Вот уже сошел, не взяв 2 м, американец Дюо Фруга. Высота — 2 м 9 см. Все, кроме Дюомаса, берут ее. Остаются пятеро: трое советских прыгунов, один американец и один швед. Никто из присутствующих не сомневается в победе Томаса. Высота — 2 м 12 см. Следующий еще не замечает ошей. На следующем табло ярко горят имена участников. Последним в списке Томас. Шахлавадзе, Брумль и Большов с первой попытки берут эту высоту. Петерсон сбивает планку. Когда очередь доходит до Томаса, табло загорается буква «Р». По прыбкам прокатывается рокот: Томас пропускает высоту, равную рекорду Олимпийских игр! Небывало! Сенсационно! Сколько же он надеется взять! Наверно, не меньше 2 м 1 см.

Давиды безудачно атакуют планку Петерсон и сходит. На площадке остаются четверо. Трое в альянках и один в талии-сени. Высота — 214 см. Включается еще проеиктор, и прыгуны уходят за марк.

...И стартует Роберт Шахлавадзе. Его лучший результат в жизни — 2 м 13 см. Но 14 см он берет с таким запасом, что Томас невольно встает, и на его лице впервые появляется выражение озабоченности. Брумль, вслед за Шахлавадзе с еще большим запасом переле-

ИНДУС МЛКА СИНГ.
ПОСАДЫШИИ ОТЛИЧ-
НОЕ ВРЕМЯ В БЕГЕ НА
400 МЕТРОВ

СТАРЕЙШИИ СОВЕТСКИИ
ШТАТСТАИИ ОЛИМПИИ-
СКИИ ЧЕМПИОН АРКА-
ДИИ ВОЗЬВЕН

РАЛЬФ БОСТОН — СИЛЬ-
НЕЙШИИ ПРЫГУИИ В
ДИННУ

НА ФЕХТОВАЛЬНОИ ДО-
РОЖКЕ

КАНЦЕД

тает через планку. Большой сбивает его, но видно, что в следующей попытке эта высота его. Томас поспешно снимает с себя тренировочный костюм. Ему хочется как можно скорее показать зрителям, что, как ни здорово пригуют эти русские, ему они лишь по плечо.

И тут происходит неожиданное: Томас бьет планку. Сбивает а безнадёжной попытке. Не трибунах зрителей минимален смех. Перед глазами зрителей разыгрывается драма, равную которой трудно вспомнить в истории спорта. «Суперфаворит», победа которого пять минут назад ни у кого не вызвала сомнений, оказывается почти на долетках. Все это видно. Видят, как мгновенно сдвинулись нервы чуда-атлета, как при первом сознании того, что он соревнуется с равными по силам соперниками, рвущего его уверенность и его воля.

Вторая попытка Большова. Он блестяще выполняет ее. Вперед Томаса. Как он боится планки! Это видно во всех его движениях. Он долго стоит, не решаясь начать разбег. Тишина на стадионе прерывается лишь стуком пишущей машинки какого-то корреспондента. Потом и она смолкает. Вот разбег. Движения неуверенные. Толчок. Судорожные движения в воздухе. Кое-как его огромное тело переправляется через планку.

Высота — 2 м 16 см. В тот момент, когда Роберт Шаваладзе с первой попытки берет ее, под рея 100 тысяч зрителей, Томас сдается. Его попытка безнадёжна. Со второй попытки 2 м 16 см берет Брумелль. И берет так легко, что кажется, будто там на 15 см меньше... Ни во второй, ни в третьей попытке Томас не может мобилизовать себя. Он настолько растерян, что хочет сразу сделать следующую попытку, забыв о том, что ему надо ждать очереди. Судья останавливает его и показывает на Большова, который готовится к прыжку. Всем ясно: Томас победен.

Газеты и журналы всего мира писали о нашем триумфе. «Невероятно, но это правда! Суперфаворит Томас побит. Золото и серебро — для советских прыгунов Шаваладзе и Брумелля. Домаше — только шестой. Джо Фауст — семнадцатый. Ватерлоо американцев!» — такой ажиотаж дал к своей статье Хейц Кавалери в западногерманском журнале «Лайхт-атлетик».

На следующий день было видно, как поражение Томаса повлияло на боевой дух американской команды. Метатель молота Богданос не смог выполнить даже квалификационного норматива. Холл сделал это с третьей, да и Конолли — лишь со второй попытки.

Гарольд Конолли приехал в Рим, имея за плечами феноменальный результат: 12 августа 1960 года в Калифорнии молот, пушенный его руками, пролетел 70 м 32 см. Однако после неудачи Томаса Конолли тоже «потерял себя». Султанские и неуверенные движения, поспешность — все это домало технику броска. Видно было, что нервы спортсмена явно не под контролем. И вместо 70-метровых бросков, которых так ждал стадион, Конолли демонстрирует затурканные броски на 62—63 м. Каких приятных контрастов выглядела на этом фоне Руденков! Спокойные, уверенные и расчетливые движения. Третий бросок отличный — на 67 м 10 см!

Любопытно, что после окончания соревнований по легкой атлетике в беседе с представителями печати Конолли открыто рассказал о настроении, которое царило в команде легкоатлетов Америки: «Это самая настоящая трагедия. Я и сам ошарашен не меньше других... Да, это были черные дни для дяди Сэма. В нашей делегации царил подавленное настроение. Не было смеха, не было похлопывания по плечу...»

Наконец, «золотую точку» на стадионе «Фонро Италико» в блестящем стиле поставил 8 сен-

тября Петр Болотников. Он выиграл бег на 10 тысяч метров. И именно тем оружием, которым было приписано его соперникам, — стрелителским финишем. Ни немец Гродцки, ни австриец Пауэр, ни новозеландец Халберг не смогли до конца выдержать темпа, который был предложен советским бегунами Якуновым и Десятниковым. Он оказался по плечу лишь Десятникову. Это была однанадцатая золотая медаль советских легкоатлетов!

Лихорадочно подсчитывают очки: СССР — 162,5; США — 162.

Вот так счет! А впереди последний вид легкой атлетики. Марафон. Задача, стоявшая перед нашими марафонцами, ясна: не пропустить вперед себя ни одного американского бегуна. Тогда командная победа в легкой атлетике впервые в истории Олимпиад будет отвоёвана у американцев. Константин Воробьев и Сергей Попов справляются с этой задачей. Еще 5 очков нам и 0 — американцам.

Счет становится теперь 167,5:162 в нашу пользу. И это уже окончательно!

Итак, прогнозы американских специалистов выброшены в корзину истории. В проходах судейской коллегии Олимпийский мрг — факты, а не домыслы. И они говорят о многом.

Закончилось господство легкоатлетов США, продолжавшееся в течение шестидесяти лет олимпийской истории. Теперь уже никогда не возникнут разговоры о матче США — восток Европы, который безуспешно пытались организовать те, кто считал, что сборной команде США нет на земле равного противника в лице спортсменов одного государства. Та-

ким государством стал Советский Союз!

Знаменем времени явилось также появление на международном спортивной арене государства Африки, Азии и Латинской Америки. Государства, которые в недавнем прошлом были колониями, а в Риме уже гордо шли под своими национальными знаменами. Кубинец Эрнесто Фигуэррола, занявший четвертое место в беге на 100 метров; индус Милка Сингх, пробившийши 400 метров за 45,6 сек.; амазонский негр Джордж Керр, завоевавший бронзовую медаль в беге на 800 метров; спортсмен из Кении Маюро Ниндича, добившийся на дистанции 5 000 метров результата 13:52,8; эфиоп Бакила Аббе, победивший в марафоне; марокканец Абдеслам Ради, финишировавший вторым за эфиопом, и многие другие спортсмены этих государств показали, что в недалеком будущем они могут значительно изменить соотношение сил в мире легкой атлетики. Ведь это факт, что Антильские острова, Эфиопия, Марокко, Куба, Пуэрто-Рико, Венесуэла, Кения оказались впереди таких стран, как Норвегия, Дания, Канада. Это факт, что Испания и Португалия проиграли своим бывшим колониям.

Победа наших легкоатлетов на XVII Олимпийских играх не должна закрывать нам глаза на многие недостатки. В частности, еще плохо обстоит у нас дело с воспитанием бегунов на дистанциях от 100 до 3 000 метров. Еще многое надо сделать для того, чтобы советская легкая атлетика, впервые вставшая на пьедестале почта на высшую ступень, прочно закрепилась на этом месте!

БОРИС ШАХЛИН ЗАВОЕВАЛ НА ОЛИМПИАДЕ РЕКОРДНОЕ ЧИСЛО МЕДАЛЕЙ: ЧЕТЫРЕ ЗОЛОТЫХ, ОДНУ СЕРЕБРЯНУЮ И ОДНУ БРОНЗОВУЮ.

Фото А. Вурдукова.

И. РАХТАНОВ

СИЛЬНЕЙШИЙ ИЗ ЛЮДЕЙ

Фото А. Бурдукова

...Уже четыре дня на помосте установленном в римском «Палаццетто делло спорт», хозяйничали тяжелоатлеты. Они подкачали к сверкающей в луче прожектора штанге — то высоко, то низко, то медлительные, то стремительные — и либо поднимали ее, либо она, непообежденная, падала к их ногам. И тогда они снова и снова пытались поднять ее...

Менялся вес штанги. Менялся, все возраста, веса самых спортсменов. Это была своеобразная прогрессия силы и выносливости. Но программа явно угнута, и глубька на широких тибубухе попросту скучала, утомленная длительным временем и однообразием номеров. Многие даже дремали, не в силах противоборствовать сну. Дремали, но по домам не расходились.

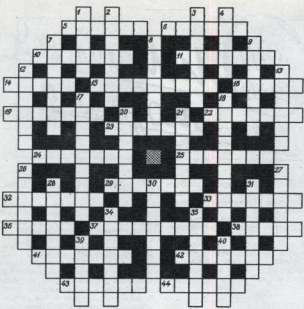
Люди знали, что на четвертый, последний день соревнований тяжелоатлетов, под самый занавес Олимпиады именно здесь, на этом невысоком помосте, должно произойти чудо. Каждый хотел стать свидетелем этого чуда, получить право на далекий рассказ друзьям, а может быть, и правнукам:

— И ваш дед в молодости видел этого русского. И запомнил его. О дедочке, это было грядущей Мэи не слышали, как он отпустил штангу весом в двести — ны только вообразите! — в двести два килограмма! Но все ясно услышали звук от падения его очков, когда они сядом упали на помост. Вот это сила! Сила такая, что сразу не скажешь, где больше действует Исаак Ньютон со своим законом всемирного тяготения: в весовых ли очках или в этой баснословной штанге. Ради такого стоит ночью не поспать в постели!

Чудо было показано в полном объеме.

Юрий Васов вышел на помост. Прежде всего хочется описать его внешность. И начать придется издали.

...Несколько лет назад в Москву привезла американец Паул Андерсон. Никто не скажет, что смотреть на него было приятно, что он являл собой образец мужской или мужественной красоты. Расквашенный, как бы потерявший четкость очертаний, он ничем не напоминал спортсмена. Однако результаты его поражали любителей и знатоков. На Мюнхенском чемпионате мира в 1955 году Андер-

КРОССВОРД «МУЗЫКА»

Составили В. КУБРАНОВ,
Е. ГРЕЧИШИНОВ, В. КОЧАН
(г. Ленинград)

По горизонтали:

5. Композитор, написавший ораторию «Евмелия Пугачёва». 6. Французский писатель и музыковед, автор книги «Жизнь Ветхована». 10. Опера П. Верди. 11. Действующее лицо оперы С. Рахманинова «Александр». 14. Персонаж из «Шагнэ» Р. Леонвалло. 15. Мелодичное украшение в музыке.

16. Автор оперы «Волшебный стрелок». 19. Композитор, написавший комическую оперу «Видзюрене прованская». 22. Совокупность средств музыкального изложения. 23. Героиня оперной оперы А. Серова. 24. Опера Л. Ветхована. 25. Старинный оперный театр в Милане. 29. Русский ученый, химик и композитор. 32. Музыкальное произведение Г. Верди.

33. Мотив, напев. 36. Русский народный струнный инструмент. 37. Автор оперы «Дубровский». 38. Опера П. А. Чайковского. 41. Трубы органа одного тебейра. 42. Заключительный эпизод музыкального произведения. 43. Композитор, создавший оперу «Молодая гвардия». 44. Романс П. Кюи на слова А. С. Пушкина.

По вертикали:

1. Деревянный духовой инструмент. 2. Автор оперы «Деметриус». 3. Быстрый темп в музыке. 4. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 7. Пещи, один из первых народных артистов республики. 8. Действующее лицо оперы «Наян Суванни». 9. Небольшое вокальное произведение. 12. Оперетта И. Кальмана. 13. Первый исполнитель партии Суванни в России. 17. Опера Р. Вагнера. 18. Руководитель музыкального кружка «Мотушья ночка». 20. Народный танец в сопровождении песни. 21. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 26. Автор текста песни «Орленок». 27. Основательница русской классической музыки. 28. Ансамбль музыкантов - исполнителей. 30. Персонаж оперы В. Моцарта «Дон Жуан». 31. Опера П. И. Чайковского. 34. Музыкальное вокально-инструментальное произведение. 35. Музыкант, в совершенстве владеющий несколькими видами исполнения. 39. Действующее лицо народной музыкальной драмы М. Мусоргского «Борис Годунов». 40. Опера А. Рубинштейна.

Рисунок Г. Корovina.

РАЗРЕШИТЕ ПРИКРУТИТЬ!

Рисунок А. Вахвалова.

Первая страница обложки: Красный флаг развевается над пустыней или символ победы над ней (см. оперу на стр. 7).

Фото В. Сагина.

Четвертая страница обложки: В эти осенние дни актеры продолжают настойчиво тренироваться. У поворотного буга акта класса «Дракон».

Фото В. Гиппенрейтера.

Репортаж с «летающего крыла»

ОТ РЕДАКЦИИ

Рассказ о полете на «ЛК-Юность», как вы уже, наверное, догадаетесь, — плод журналистской фантазии нашего корреспондента. Он написан под впечатлением бесед с членами Студенческого конструкторского бюро Московского авиационного института.

Эти юноши и девушки на основе новых принципов конструирования «ЛК», принадлежащих А. И. Пещуху, проделали огромную работу. Они прошли всевозможные исследования, выполнили расчеты, изготовили прототип и чертежи самолета будущего.

Но стоит ли на наших страницах уделять место этому фантастическому репортажу?

Наша команда решила один из крупнейших авиационных специалистов, профессор Владимир Сергеевич Пышков: — Молодые ребята из Московского авиационного института. Молодцы потому, что с первых

шагов самостоятельной конструкторской деятельности решили идти по непроторенным дорогам авиации.

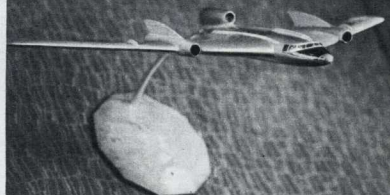
Конечно, даже от самого лучшего проекта до самолета, воплощенного в металле, — дистанция огромного размера. Требуется год напряженнейшего труда большого конструкторского коллектива. И еще: студенческая работа может быть успешной, если автор ее глубоко вынужден в основы авиационных наук и выполняет необходимые изыскания и расчеты.

Мне кажется, что уже сегодня у молодых конструкторов из Московского авиационного института есть возможность на практике проверить свой замысел. Почему бы им не испробовать новую конструкцию «летающего крыла», своими руками построен по данной схеме планер? Затем можно перейти к более сложным конструкциям. Вероятно, в этом деле студентам придет на помощь мо-

лодые рабочие — комсомольцы авиационных заводов.

От всей души мне хочется пожелать успехов молодым авиаконструкторам. Дерзновенная меч-

та — это очень много. Ведь тем и замечательны советские люди, что их сегодняшние мечты претворяются в реальность завтрашнего дня.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартанская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 3-44; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; чертёж и муляжистика — доб. 3-52; международная жизнь — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информация — доб. 2-29; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформление — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Домратовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчинко, А. А. Сосин, С. С. Славский, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 06460. Подписано к печати 2/XI 1969 г. Тираж 775.700 экз. Изд. № 1096. Знак № 2972. Формат бумаги 70x106/8. 2,25 б. л. — 6,17 п. л.

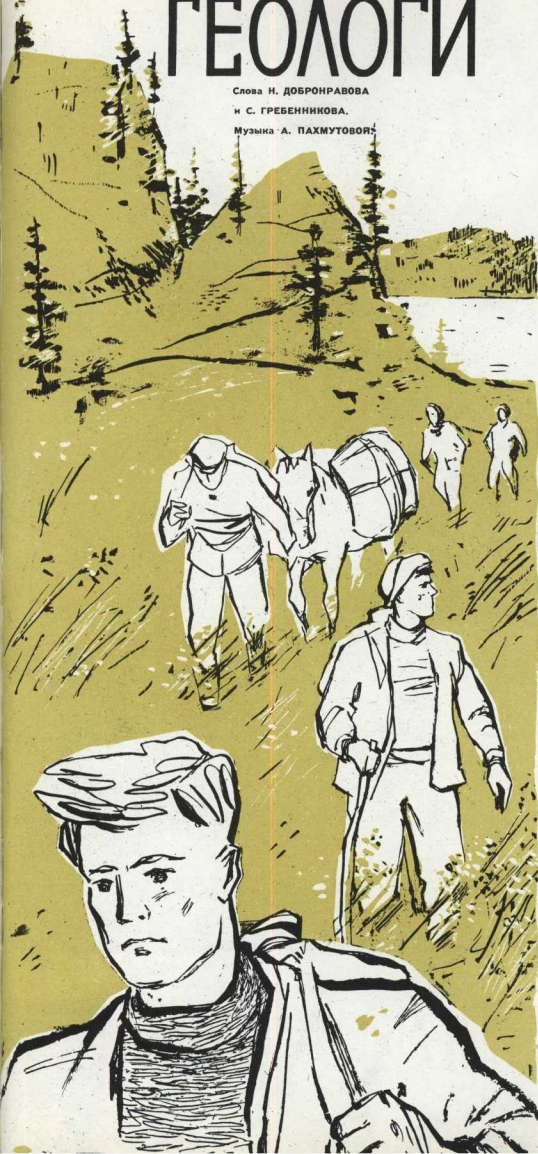
Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГЕОЛОГИ

Слова Н. ДОБРОНРАВОА

и С. ГРЕБЕННИКОВА.

Музыка А. ПАХУТОВОЙ

Задумчиво. Не спеша.

Ты у. е. ха-ля в знойные степи, я у. шел на разведку в тайгу.

-гу, над тобою. ю лишь светом пальцаще светит, надо мною лишь кядры в снег.

Дуэт или хор
Лрипев

и нельзя повернуть на-

гу... А путь и даяек и долог, и нельзя на-

зад... зад... держись, геолог! Крепись, геолог! Ты ветру и солнцу

Ты уехала в знойные степи,
Я ушел на разведку в тайгу.
Над тобою лишь солнцем
Пальцаще светит,
Надо мною лишь кядры в снегу...

ПРИПЕВ: А путь и даяек и долог,
И нельзя повернуть
назад...
Крепись, геолог!
Ты ветру и солнцу брат!

На прощанье небес синевую,
Частоту студеной волны,
Голубую заветной Полярной
звездой
Поклялись в нашей верности мы.

ПРИПЕВ.

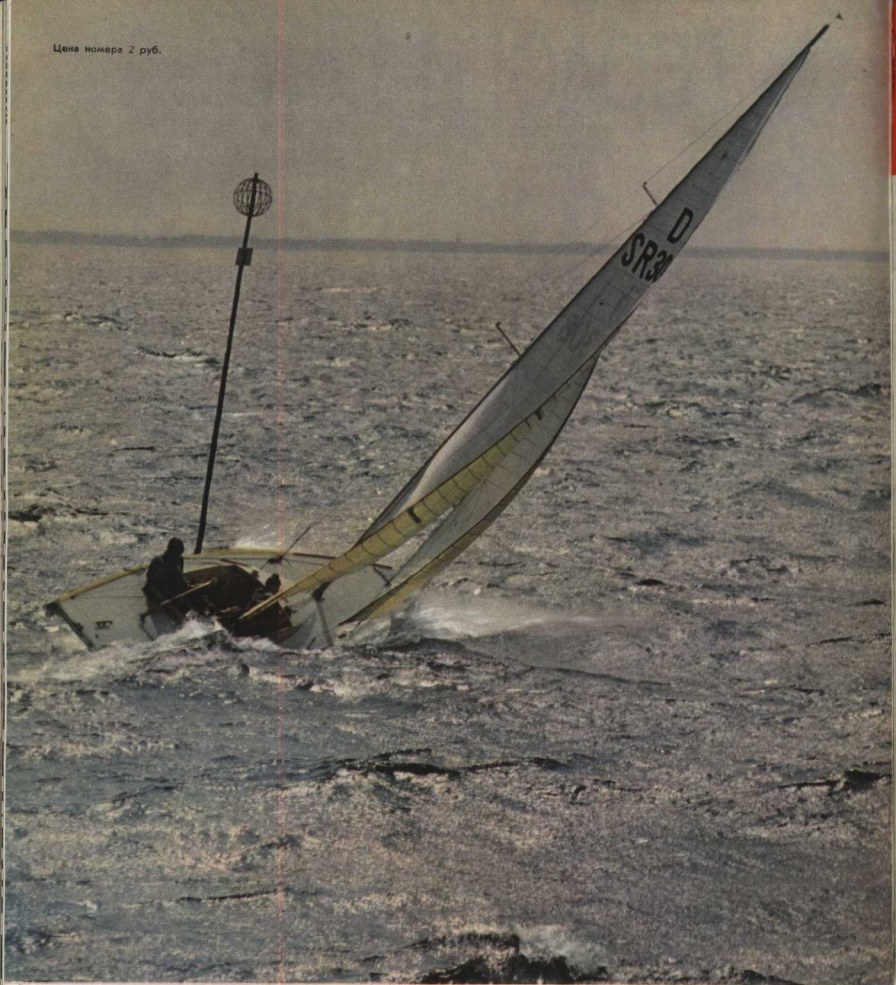
Лучше друга нигде не найду я.
Мы геологи оба с тобой.
Мы умеем и в жизни руду
Отыщать от породы пустой.

ПРИПЕВ.

Я в суровом походе спокоен,
Ты со мной в каждой леске
Заканелая ветром, и стужей,
и зноем,
Только крепче любовь и сильнее!

ПРИПЕВ: А путь и даяек и долог,
И нельзя повернуть
назад...
Держись, геолог!
Крепись, геолог!
Ты ветру и солнцу брат!

Цена номера 2 руб.

ПОБЕЖДЁННЫЙ АДАМАС

(ПИСЬМА ИЗ АЛМАЗНОГО КРАЯ)

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

